

Алексей и Ольга Ракитины

Скопец

Серия «Невыдуманные истории на ночь»

Невыдуманные истории на ночь

Алексей и Ольга Ракитины

Скопец

«Издательские решения»

Ракитины А.

Скопец / А. Ракитины — «Издательские решения»,
— (Невыдуманные истории на ночь)

ISBN 978-5-44-856163-4

Фабула романа «Скопец» основана на реальных событиях, связанных с выявленным в 1880 г. развораживанием состояния известного столичного купца-миллионера Солодовникова (в романе — Соковников). Детективная история вплетается в канву трагических событий полувекковой давности, связанных с полной мрачных тайн историей секты скопцов. Ответит ли столичная полиция на вопрос кем, когда и как оказались похищены миллионы одного из богатейших купцов России? Будет ли изобличен таинственный мошенник?

ISBN 978-5-44-856163-4

© Ракитины А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	20
3	33
4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Скопец
Серия «Невыдуманные истории на ночь»

Алексей и Ольга Ракитины

© Алексей и Ольга Ракитины, 2017

ISBN 978-5-4485-6163-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Камин – замечательное изобретение европейского быта – для цивилизованного человека по своей ценности лишь немногим уступает центральному водопроводу и притом гораздо важнее электрического освещения – подобное утверждение являлось для Шумилова абсолютной истиной, неоднократно проверенной опытом. Даже горячий глинтвейн много ценнее электрической лампы. В конце концов, читать и писать можно при свечах, а при отсутствии света вообще можно и ни читать, и ни писать – и никакой беды не случится. Но если стылým петербургским вечером ты замёрз хуже бездомной собаки и вдобавок промочил ноги, то только жар растопленного камина да бокал пряно-пахучего глинтвейна окажутся способны вернуть растаявшие силы, оптимизм и радость жизни.

В уютной квартире большого доходного дома неподалёку от Лештукова моста через реку Фонтанку в Санкт-Петербурге было тепло от жарко растопленного камина. Согретый воздух приятными волнами расходился по комнате, и расположившееся против камина кожаное кресло манило погрузиться в мягкие подушки, а ароматный глинтвейн в высоком бокале на короткой ножке, стоявшем на серебряном подносе подле кресла, сулил удовольствие и долгожданную возможность согреться. Весь день 28 августа 1880 года, как и предыдущую ночь, за окном шумел остервенело-звонкий холодный дождь. Казалось, весь мир уже вымок насквозь, во дворе развезло дорожки, на тротуарах и в низинах просевших мостовых стояли лужи, а водосточные трубы превратились в водопады, извергавшие нескончаемые потоки воды. И петербуржцы не сомневались в том, что под разверстыми небесными хлябями не осталось ни единого клочка сухой земли.

Алексей Иванович Шумилов, молодой ещё человек – всего-то двадцати шести лет от роду – с искренним удовольствием устроился в кресле и протянул к камину озябшие руки. Камин был подлинным украшением гостиной в этой лучшей во всём доме квартире. Принадлежала она, как, впрочем, и весь дом, вдове жандармского офицера, погибшего во время польского мятежа 1863 года, Марте Иоганновне Раухвельд. Прижимистая немка помимо того, что сдавала внаём целый дом, даже в собственную квартиру пустила квартиранта: Шумилов арендовал две смежные комнаты и получал стол. Объективности ради следует отметить, что чопорная немка, аккуратистка во всём и отменная хозяйка, по-своему была привязана к постояльцу и чрезвычайно любила по вечерам у камина обсуждать с ним последние новости столичной криминальной хроники.

Шумилову делалось неуютно при одной только мысли, что дождь может затянуться и завтра. Это означало бы, что ему придётся под дождём тащиться к важному клиенту в Красное Село, трястись в экипаже по размокшей дороге, рискуя сесть в какой-нибудь луже по самые оси. Однако делать было нечего. Следовало признать, подобная обязанность, связанная с выездом к важному клиенту, в другое время, в хороший солнечный день была бы, напротив, весьма приятна.

Чуть менее двух лет назад Шумилов оставил службу в следственной части прокуратуры Санкт-Петербургского судебного округа в связи с громким делом французской подданной Мариэтты Жюжеван. С его стороны это был вполне осознанный выбор, хотя и совершенно неожиданный как для коллег, так и для знакомых. Тогда Алексей Иванович поставил жирную точку в собственной карьере на ниве чиновника Министерства юстиции, сделал это эпатажно и даже скандально: он пошёл против начальства, намеревавшегося отправить на каторгу невинную женщину. Лишившись работы в прокуратуре, Шумилов приобрёл репутацию честного и бескомпромиссного человека, и сейчас, по прошествии времени, у него не появилось оснований жалеть о содеянном.

Алексей Иванович поступил на вполне мирную и тихую работу в «Обществе взаимного поземельного кредита» и по достоинству оценил массу привлекательных качеств нового места службы. Во-первых, новая работа оказалась живым и очень интересным делом, приносила ощущение востребованности, убеждала в том, что он действительно нужен Отечеству и людям. Во-вторых, служба в «Обществе...» предоставляла возможность знакомиться со множеством самых разных и притом прелюбопытных людей, удовлетворяя тем самым искренний и неумный интерес Шумилова к разнородным человеческим типам. В-третьих – и это было особенно ценно! – служба в кредитном обществе вовсе не требовала каждодневного многочасового сидения в рабочем кабинете. Значительный объём работы Шумилов выполнял на дому, принося подшивки с делами из своего кабинета в массивном, выложенном гранитом доме Елисеева на Невском проспекте. Свободный график, возможность располагать временем по собственному усмотрению были одним из важнейших преимуществ службы юридическим консультантом.

Что же касается сыска, к которому Алексей Иванович чувствовал странное влечение ещё со студенческой поры, то он всё равно присутствовал в его жизни: пусть фрагментарно и опосредованно, но объективно и даже с какой-то неотвратимостью. Причём, самому Шумилову вовсе не приходилось прикладывать каких-либо усилий к этому или создавать себе рекламу: само собой получилось так, что к нему стали обращаться знакомые, знакомые знакомых, адвокаты и просто попавшие в затруднительные ситуации люди с просьбой помочь им навести справки, провести негласное расследование или помочь в организации защиты ошибочно обвинённого человека. Всякий раз это были случаи, когда в полицию обращаться было либо затруднительно, либо бессмысленно. Шумилов брался за такие дела и вёл их споро, умело, толково, ясно понимая, как должно подступаться к такого рода розыскам. Немаловажно было и то, что лишнего он никогда не просил и со всеми был честен. Не было случая, чтобы он разгласил чью-то тайну или употребил в целях собственного обогащения полученные в ходе розысков сведения. Довольно быстро всё это обеспечило ему репутацию отличного сыщика и порядочного человека, которому можно довериться.

В этот день Шумилов промочил ноги и вернулся домой с лихорадочно горящими щеками. Алексей знал, что предрасположен к лёгочной астме и на протяжении последнего года болезненный процесс в лёгких всё более усугублялся; посему он никак не мог позволить себе простужаться. Облачившись в сухую одежду и закутавшись в плед, он неспеша потягивал обжигающе горячий глинтвейн, который собственноручно – что было знаком особого расположения – приготовила для него госпожа Раухвельд.

Умиротворяющая тишина была нарушена почтительным стуком в дверь гостиной горничной Маши:

– Алексей Иванович, к вам явился посетитель. Назвался Базаровым. Сказал, что вам незнаком, но имеет до вас безотлагательное дело. Прикажете впустить?

– Пусть проходит сюда, – кивнул Шумилов, отбрасывая плед и поднимаясь из кресла.

В гостиную осторожно вошёл пожилой человек. Несмело остановившись у порога, он быстро окинул взглядом комнату; потом его тревожный испытующий взгляд переместился на Шумилова. Визитёру было лет под шестьдесят. Бледная, даже тусклая кожа выдавала в нём многолетнего жителя Петербурга, а седая аккуратно стриженная борода, короткие нафабранные усы и морщинки вокруг глаз ещё более старили лицо и придавали ему усталое выражение. Только глаза – тёмно-карие, подвижные, очень живые смотрели цепко и недоверчиво. По одежде было видно, что этот человек принадлежал к мещанскому или не очень зажиточному купеческому сословию: однобортный твидовый сюртук, под ним жилетка со спускающейся серебряной часовой цепочкой, простая льняная рубашка-косоворотка без всяких наметок на галстук, бабочку или шейный платок, на ногах – яловые мягкие сапоги, с блестящими на голенищах капельками дождя. Шумилов сразу обратил внимание на руки гостя – плотные,

со вздувшимися венами на тыльной стороне ладони; эти руки принадлежали человеку, не понаслышке знакомому с физическим трудом.

– Прощения просим... вы ли господин Шумилов Алексей Иванович? – вежливо осведомился вошедший.

– Он самый. Чем могу быть полезен?

– Позвольте представиться: я лакей скончавшегося три дня назад купца Соковникова, – после секундной заминки с почтительным поклоном представился посетитель, – или, как говорят люди просвещённые, камердинер. Зовут меня Базаров Владимир Викторович. Не считите за назойливость. Имею к вам важное конфиденциальное дело.

– Почему ко мне?

– Я поехал было в контору присяжного поверенного... Барыков Сергей Лаврович, на Невском, в доме Зайцева, знаете, наверное?... но мне там сказали, что за такие дела не берутся, и вот, порекомендовали вас.

– Да, Барыкова знаю коротко. А что же, собственно, за дело? – Шумилов жестом пригласил посетителя сесть в стоявшее подле кресло и внимательно наблюдал, как мужчина, сделав пару несмелых шагов, опустился на край сиденья, не сводя при этом напряженного взгляда с лица Шумилова.

– Хочу просить вас проследить за исполнением закона, то есть моего права наследовать, иначе говоря, воли моего умершего хозяина, купца Соковникова, – несколько сбивчиво начал Базаров и заговорил быстрее, боясь, очевидно, что Шумилов не станет его слушать. – У него я служил лакеем много лет. Видите ли, я – человек маленький, бессильный, где мне тягаться с князьями, аристократами да иерархами церкви? Они меня подвинут и не заметят! Они во все двери вхожи, им все угождают, а я что...? Дело в том, что сегодня днём, буквально три часа назад состоялось оглашение завещания Соковникова, которое хранилось у нотариуса. Нотариус – Утин Лавр Ильич. Может быть, знаете такого...

– Знаю, его контора в доме на углу Невского и Екатерининского канала, – заметил негромко Шумилов.

– Точно так-с. Туда, к нотариусу, собрались все, кто знал, что покойный Николай Назарович им что-то оставил. Набралось таких соискателей, с позволения выразиться, человек двадцать, а то и больше, всё помещение заняли, так что не то что сесть, даже встать было некуда. Среди явившихся присутствовал племянник Николая Назаровича, строго говоря его единственный родственник, купцы, которые в приятелях у покойного были, попы, – потому как на церковь много жаловал, актеры и какой-то деятель из театра. Это я тех называл, кого в личность признал, но были и такие, кого я не знал вовсе. Ну и, конечно, мы явились, домашняя челядь то есть. Много народу. Покойный любил рассказывать про то, кому что после него достанется. Так вот, вскрыли завещание, а там всё не так.

– Что значит «не так»? – удивился Шумилов.

– А то и значит, что три месяца назад Соковников составил другое завещание, новое, и свидетели тому есть: купец Куликов, доктор Гессе, лечивший его, и управляющий наш Яков Данилович. Я тоже присутствовал, но так, входил-выходил... и подпись под завещанием не ставил. Хотя текст его знаю. И по этому новому завещанию мне было отписано пятьдесят тысяч рублей. Я точно помню, и ошибки тут быть не может. А по старому завещанию, тому, что у нотариуса зачитали – мне только две тысяч причитается. Согласитесь, разница есть... И такого рода разница не токмо касательно меня наблюдается, но и других людей тоже. Поэтому когда вскрыли завещание у господина Утина, многие возроптали, которые, как и я, не получили того, о чём Николай Назарович говорил на людях не раз. Стали шуметь, что, дескать, неправильное это завещание. И тогда нотариус сказал, что, видя такое дело и принимая в соображение сообщённые ему сведения о существовании другого завещания, положенным образом обратится в полицию, дабы в бумагах покойного провести тщательный обыск

с целью отыскания нового завещание. Кто-то обрадовался, а кто-то возмутился, ведь некоторые испугались, что по новому завещанию, если таковое отыщется, им меньше достанется. Так вот, господин Шумилов, назавтра назначено вскрытие бумаг и вещей покойного. Они все сейчас на даче в Лесном, всё там опечатано: кабинет, спальня, шкафы, столы – всё. И я бы хотел просить вас, почтеннейший Алексей Иванович, быть моим доверенным лицом, представителем, так сказать. Чтобы вы проследили, как говорится, за тем, как бы меня не обманули и буде такой обман замечен, то пресекли бы его на корню. Я ведь человек маленький, неучёный, законов и юридического обхождения не знаю вовсе. А кабы и знал – всё равно, разве ж я могу спорить с господами? Вот и боюсь, что оберут меня, как липку. Накричат, рот заткнут и оберут. И тех денежек, что хозяин мне за многолетнюю беспорочную службу пожаловал, не доведется мне даже в руках подержать.

– То есть вы предлагаете мне присутствовать на разборе бумаг и вещей вашего хозяина в качестве вашего представителя? – уточнил Шумилов.

– Именно так! – торопливо и униженно закивал головой Базаров. – Как точно вы сказали, мне так ни в жисть не выразиться. Вот что значит быть юристом! Всё, что полагается – оплата вашего труда и расходов, гонорар или премия, как это называется? – всё как вы скажете. Если дело выгорит, я почти себя богатым человеком. Поедьте, дорогой Алексей Иванович, не оставляйте меня одного. Ведь оберут меня, сердцем чую, что оберут! Там сейчас, на даче, где жил и умер Николай Назарович, полон дом народу – все претенденты приехали. И актёрки, и племянник, и попы, будь они неладны. И завтра, я представляю, что начнется! Вся эта кодла зубами грызть друг друга начнёт. Не откажите в нижайшей просьбе!

– Что ж, я понимаю ваше беспокойство. Хотя сама по себе коллизия этого дела мне кажется весьма простой и решение её представляется вполне очевидным...

– Простите, что перебиваю, а что такое «коллизия»? – задал уточняющий вопрос Базаров.

– В том контексте, в котором это слово употребил я, оно означает столкновение противоречащих друг другу правовых норм, законов или признаваемых законом документов. В данном случае, налицо столкновение двух волеизъявляющих документов, имеющих, судя по вашим словам, равную юридическую силу. Я говорю о разновременных завещаниях. Существуют определённые правила разрешения такого рода противоречий. Для вас важно, чтобы открытие нового завещания осуществлялось юридически корректно, сие может оказаться очень важно при последующей верификации нового завещания в суде, если дело дойдёт до суда. Пожалуй, Владимир Викторович, я возьмусь за это дело. Свою задачу я вижу в том, чтобы проследить за правильностью действий всех заинтересованных лиц в процессе розыска и открытия завещания. Как я понимаю, это займёт всего пару-тройку дней. Если завещание действительно существует («Существует, существует!» – закивал Базаров), то оно отыщется. Мои условия таковы – двадцать пять рублей в день.

– А... – посетитель на секунду запнулся с раскрытым ртом, – а процент вы не оговариваете?

– Процент от чего? – не понял Шумилов. – От суммы завещания, что ли?

– Ну да...

– Помилуй Бог, это был бы грабёж. Если новое завещание составлено с соблюдением всех необходимых требований закона, свои деньги вы получите безоговорочно, и моя помощь в том не потребуется. Называть процент от суммы завещания – это значит отнимать то, что принадлежит вам по праву. А я ведь не грабитель с большой дороги!

Базаров несколько мгновений изучающе смотрел в глаза Алексея, точно не совсем верил услышанному, затем с чувством произнёс:

– Благодарю вас, господин Шумилов, вы действительно благородный человек. С меня ещё плюс стол. Только умоляю – поедьте прямо сейчас. Боюсь, если завтра пристав прямо

с утра придёт, вы не успеете к началу всей этой котовасии. Путь-то неблизкий! А я бы вам комнату в доме организовал. Поедьте, господин Шумилов, а-а?

– Я так понимаю, вы приглашаете меня в дом вашего покойного хозяина. Но ведь вы не хозяин и не можете распоряжаться...

– Теперь в доме живёт племянник Николая Назаровича. Я полностью уверен, что он согласится со мною, что такой человек как вы просто необходим в данной ситуации. Так что никакого противодействия ни с чьей стороны не бойтесь – его не будет. В том ручаюсь.

– Ну, что ж, подождите меня с четверть часа, я соберусь, и мы поедем, – согласился Шумилов.

И действительно через четверть часа Шумилов вышел из дома со своим новым знакомым, предупредив г-жу Раухвельд, что, уезжает по делам и, возможно, задержится на пару дней.

Дождь несколько притих, хотя полностью не прекратился. Мужчины вышли на проспект, кликнули извозчика и поехали. Их путь лежал в предместье Санкт-Петербурга, знаменитое дачное местечко под названием Лесное. Там вокруг обширного лесного массива, отданного в ведение Земледельческого института, расположилось большое количество дач столичной знати и высшего чиновничества с относящимися к ним участками леса, порой весьма значительными. У Соковникова, как сказал Базаров, там находилось во владении четыре гектара леса; такой завидный кус земли сам по себе являлся целым состоянием, принимая во внимание дороговизну земельных наделов в непосредственной близости от столицы!

Мягко покачиваясь на рессорах, экипаж бойко катил по городским улицам. Приподнятый верх укрывал пассажиров от дождя, а неблизкий путь располагал к неспешной беседе.

– Почему же мы едем на дачу? – поинтересовался Шумилов. – Разве ваш хозяин не имел городской квартиры?

– У него не то, что квартира, у него целый особняк на Вознесенском проспекте, – усмехнулся в ответ Базаров. – Просто последние два года он в город только изредка наведывался, а жил всё больше на даче.

– Почему так?

– Болел. Сердце. Водянка была, ноги опухали, ему и ходить-то было тяжело, и сидеть, а в коляске так растрясёт, бывало, еле живой приезжал.

– Умер Соковников своею смертью?

– Неужто вы думаете, что его убили, или сам решил руки наложить? Что вы, что вы, такого с ними не бывает... Я хочу сказать, с богатыми людьми. Он умер своей смертью, тут ни у полиции, ни у докторов никаких сомнений не возникло.

– Долго ли вы у него служили?

– Да уж, почитай, пятнадцать лет.

– Судя по величине участка в Лесном, осмелюсь предположить, что покойный был весьма богатым человеком. Я прав?

– А то как же! Раньше он был, полагаю, в числе богатейших людей государства. Миллионщик! От брата получил колоссальное наследство. И то сказать, чтоб вы составили представление: он двум управляющим, работавшим у брата, при расчёте подарил миллион рублей серебром.

– Да что вы! – не поверил Шумилов. – Это миф, наверное!

– Какой там миф, чистая правда! Фамилии этих людей известны, и история эта тоже широко известна, тайны не составляет. Правда, следует признать, что в последние годы Николай Назарович несколько поиздержался. Много потерял на биржевых делах, неудачно вкладывался, чутья нужного не имел, также много потерял в неудачных операциях с торговым домом братьев Подсосовых. Много жертвовал, многим помогал. Валаамскому монастырю очень много пожертвовал, говорят, чуть ли не миллион, но точно утверждать не стану, цифирь в точности мне неизвестна. Знаю, что на Валааме он церковь построил. Кроме того, Нико-

лай Назарович жил на широкую ногу. Это сейчас в доме пусто стало, приедете, сами увидите, а лет пять тому назад... у-у...! гостей полон двор, все спальни заняты, с утра до вечера обеды, музыка, танцы, литературные и костюмированные вечера. Ни дать не взять, венецианский дож! Опять же, театрал был завзятый. Сколько народу вокруг него хороводом вертелось – актеры разные, художники, стихоплеты, проходимцы всех мастей. И всяк норовил у него денег попросить.

– И давал?

– Конечно, давал. Особенно поначалу. Ему приятно было, что перед ним заискивали. Да и то сказать, а кому было бы неприятно? Деньги рекой лились, но потом, в последние годы, Николай Назарович удалил всех от себя. Затворился на даче. Только меня и держал при себе неотлучно. Ещё управляющий часто бывал, Селивёрстов Яков Динилович.

– А почему из родни только племянник? – любопытствовал Шумилов. – Ни жены, ни детей, ни братьев или сестер?

– Хех, вы скажете тоже... Он же скопец! К семейной жизни никак не приспособлен, ни к деторождению, ни к плотским радостям. Он и не делал из этого никакой тайны. Какая уж тут тайна может быть, когда даже следствие по поводу его насильственного оскотления имело место, правда, давно, лет сорок пять тому назад.

– То есть оскотили его в детстве? – уточнил Шумилов.

– Скорее, в отрочестве. И притом, повторюсь, проделали это насильно. Тогда Николаю Назаровичу едва исполнилось четырнадцать лет. Родной братец его, старший, Михаил, был членом скопческой секты, капиталы общины держал, вот откуда миллионы Соковниковых пошли! Николай поначалу был отдан в Коммерческое училище, в наше, в Петербургское. Потом Михаил забрал Николая из училища, это когда он уже в средние классы перешёл. Домой, значит, вернул. Стал себе в воспитанники готовить, чтоб тот, значит, готовился стать у кормила скопческого «корабля». Их община, как вы, должно быть, знаете, именуется «кораблём», – пояснил Базаров. – Своих-то детей Михаил не мог иметь, вот и была нужда Николая приобщить. Ну, и проделали над ним это изуверство. А Николай, хоть и малец был, а характер уже тогда имел – кремень! Чуть Богу душу после экзекуции не отдал. Скопцы ж ведь, как известно, раны не перевязывают, оставляют как есть, дескать, если человек Богу угоден, то Господь его кровь остановит, а коль не угоден, так пусть подыхает! Н-да, вот так-то! Бог дал, Николай Назарович не умер; как только его раны зарубцевались, он убежал из дому, скитался где ни попадя. Братец выследил через своих «скопческих полицейских» – у них ведь есть свои осведомители и охранники! – вернул Николая Назаровича, да только тот опять убежал, и сыскать его уже скопцы не смогли. Тогда Михаил обратился в государственную полицию, стали его с полицией искать. Нашли. А только Николай возьми, да и потребуй себе прокурора для важного заявления. Когда прокурор явился, он ему и рассказал всё – как его принудительно оскотляли, да как «радения» запрещённые – молитвенные собрания скопческие – в доме брата устраивали. И понеслось тут! Вышло, что Михаил сам же себя в ловушку загнал. Против него возбудили дело, серьёзное дело. Ведь всё это случилось в столице, под боком высших властей! Началось большое следствие, Святейший Синод подключился, важные сенаторы дело курировали. Непременно пойти бы Михаилу в Сибирь, в места столь отдалённые на вечное поселение, да Бог уберёт от позора – помер он под следствием, не дождавшись земного суда. А все его миллионы перешли Николаю Назаровичу.

Шумилов выслушал историю покойного миллионера чрезвычайно внимательно.

– Он сам всё это вам рассказывал? – спросил Алексей, когда рассказчик приумолк.

– Да, отрывочно так. Опять же, от разных людей отдельные моменты слышал. Об этом многие знают, тут ведь секрета нет.

– То есть Николай Назарович не был скопцом по духу?

– Какое там! Он скопцов ненавидел лютой ненавистью, винил их вероучение за то, что его изувечили на всю жизнь. Переживал очень, что женщин не мог любить, и не дано ему было испытать отцовства. Я так понимаю, всю свою жизнь он построил как отрицание всего того, что скопцы почитают за благо. И вино пил, и табак курил, и с женщинами, в основном, актёрками, кутил до рассвету, и тратил капиталец широко, не задумываясь. Денег он не копил, в мощну не складывал. А ведь у скопцов скопидомство чуть ли не за первую благодетель почитается. А уж как театр любил, да представления разные!

Базаров замолк надолго, рассматривая медленно тянувшиеся ровные шеренги городских кварталов, и неожиданно добавил:

– Правда, потом всё прекратилось, в один год.

– Почему? – тут же задал вопрос Шумилов.

– Полагаю, была тому причина. Наверное, понял, что многие люди его попросту используют, и никто из них по-настоящему им не дорожит. А кому же охота быть дойной коровой?

Повисло молчание. По наплавному Литейному мосту, проложенному поверх множества плашкоутов, широких неподвижных судов, экипаж переехал на Выборгскую сторону. Дорога сделалась тряской; если в центре города уже почти два десятилетия в проезжие части дорог укладывался обработанный камень, то окраины по-прежнему оставались замощены булыжником, что создавало большие неудобства при движении в экипажах. Опять зарядил подутихший было дождь. Поднятый верх пролётки не очень-то спасал от брызг и всепроникающей сырости. Седоки нахохлились, уткнулись в воротники пальто и погрузились в молчаливое оцепенение.

Шумилов обдумывал услышанное: его собеседник вольно или невольно умудрился дать весьма ёмкую характеристику покойного Николая Назаровича Соковникова. Скопцы, осуществившие над покойным в дни его юности свой безжалостный ритуал, принадлежали к одной из раскольничьих сект, признаваемых властью самыми опасными и официально «изуверскими». К таковым помимо скопцов относились также бегуны и хлысты. Борьба с изуверскими религиозными течениями относилась к одному из важнейших направлений работы всей правоохранительной системы Российской Империи. В годы ученичества Шумилова в Училище правоведения о сектантстве вообще и скопцах в частности преподавателями рассказывалось довольно подробно, хотя рассказы эти шли как бы помимо официально утверждённого курса преподавания.

Именно тогда, будучи ещё студентом, Шумилов впервые услышал о секретном докладе Николая Надеждина, известного учёного, этнографа и писателя, подготовленном по поручению Министра внутренних дел и посвящённом истории и традициям скопчества. Надеждин возглавлял две секретные правительственные комиссии, занимавшиеся изучением религиозного сектантства и ритуальной преступности, то есть преступлений, совершаемых из побуждений религиозного фанатизма. Исследуя идейную подоплеку скопчества, способ вовлечения в секту новых членов, каждодневный быт и обрядовую сторону этого религиозного движения, Надеждин пришел к однозначному выводу: скопчество представляет собой не только вредное отклонение от православной религиозной доктрины, но и является реальной угрозой обществу. Именно благодаря докладу Надеждина, с которым ознакомился Государь Николай Первый, эту секту официально квалифицировали как «изуверскую», а её членов стали ссылать на вечное поселение в Сибирь.

Уже на заре скопческого движения сектантские пророки, утверждавшие, что в основателя их вероучения – Кондратия Селиванова – воплотился сам Иисус Христос, руководили многочисленными общинами фанатиков, которые получили название «кораблей». Это понятие символизировало судно духовного спасения, ведомое Духом Святым и Кормчим по нечистым водам брэнного мира.

Сектанты отказывались от мяса, алкоголя, табака, сквернословия, всяческой половой жизни и, как следствие, деторождения. Впадая в экстаз, они самозабвенно пели духовные

стихи, именуемые «распевами», и самобытно плясали. Мужчины и женщины собирались порознь. Скопцы старались одеваться в белое, ибо один из канонов их веры прямо это предписывал: "Побеждающий облачится в белые одежды". В тех случаях, когда обстоятельства не позволяли одевать белое, скажем, во время похорон, скопцы брали в руки белые платки. Вообще, к белому цвету сектанты были равнодушны и восторженно именовали сами себя не иначе, как «голуби белые». Распевая стихи, хлопая в ладоши, изматывая себя лихорадочными движениями, пока с них не начинал градом катиться пот – сие состояние они именовали «духовной баней» – скопцы, как им казалось, очищали тем самым себя от греха и переживали сошествие Духа Святого.

Довольно быстро – ещё на самой заре строительства секты – отказ от половой жизни оказался доведён до своего апогея, то есть кастрации. Именно за кастрацию двух мальчиков ещё во времена Екатерины Второй угодили в каторжные работы Кондратий Селиванов, основоположник скопческого вероучения. Считалось, что человек, решившийся на позорную бесплодную для мира жизнь, уродующий и умерщвляющий себя, уже одним этим «подвигом» показывает, что он ищет Бога и стремится к нему, не страшась боли и пожизненного воздержания от половой жизни. Скопцы сами о себе говорили, что они «трупы среди живых, но живые среди трупов».

Многие сектанты принимали утрату детородных органов с величайшей гордостью: отсутствие их знаменовало спасение во плоти. Вожделение было для них орудием дьявола, а пенис – «ключом бездны», которая в свою очередь ассоциировалась у них с вагиной. Существовало два вида кастрации: так называемые «малая» и «большая» печати. В первом случае оскотлению отсекали лишь мошонку, во втором – непосредственно сам пенис. Кроме того, «большая печать» подразумевала уничтожение сосков: их либо иссекали щипцами, либо выжигали раскалённым железом. «Печати» скопцы накладывали не только на мужчин, но и на женщин, отсекая у них срамные губы, клитор и соски.

Если на заре своей деятельности сектанты кастрировали добровольцев, то со временем кормчие скопческих «кораблей» стали побуждать своих последователей к насильственному оскотлению как малолетних детей, так и разного рода случайных людей – бродяг, наёмных работников, батраков. В девятнадцатом столетии начали фиксироваться случаи заманивания новых членов посулами материальных благ, когда, скажем, лавочники-скопцы, не имея собственных детей, обращали в скопчество своих молодых работников в обмен на обещание оставить им лавку в наследство.

Шумилов помнил рассказы преподавателей о некоторых громких процессах по делам скопцов, а также сравнительно недавнее, 1875 года, знаменитое «мелитопольское дело», в ходе которого оказались обнародованы ужасающие свидетельства многочисленных кастраций женщин, мужчин и детей. Экспертом по «мелитопольскому делу» выступил профессор кафедры судебной медицины Санкт-Петербургской Военно-Медицинской академии и одновременно директор Департамента медицины Министерства внутренних дел Евгений Пеликан. Ещё до суда – в 1872 году – он выпустил трактат, обширное медицинское исследование методики проведения и последствий кастрации. Труд этот предназначался для судебно-медицинских экспертов, привлекаемых по делам о ритуальной кастрации. Сын госпожи Раухвельд, Александр, молодой полицейский врач, имел дома эту монументальную книгу, снабжённую подробными описаниями и иллюстрациями. Шумилов в своё время с большим вниманием изучил труд Пеликана и потому довольно хорошо представлял сущность скопческих манипуляций, но вот видеть скопца «вживую» Алексею Ивановичу никогда не доводилось.

Впрочем, Николай Назарович Соковников уже умер. Интересно, конечно, как он выглядел при жизни? Судя по описаниям, которые Шумилов встречал в литературе, людей, оскотлённых в детстве или юности, довольно просто можно было отличить по внешнему виду: мужчины выглядели вялыми, женоподобными, рыхлыми, с жёлтыми, лишёнными всякой рас-

тельности лицами; их кожа походила на пергамент, волосы были жидкими, глаза утрачивали блеск. Многие обращали внимание на то, что при рукопожатии ладони скопцов оказывались дряблыми и влажными. Женщины-сектантки тоже заметно отличались от обычных: ожиревшие, вялые, с синими кругами под тусклыми глазами и мужской плоской грудью. Старухи очень часто говорили басом. Понятно, что особенно разительно отличались от нормальных людей скопцы, кастрированные в детстве, то есть до наступления половой зрелости. «Интересно, каков был Соковников?» – подумал Шумилов; впрочем, интерес этот был сугубо отвлечённым, не влиявшим на его общее восприятие настоящего дела.

Закончилась столица, потянулись слободки. Уже в надвинувшихся сумерках экипаж въехал в пригородную зону, громадный лесной массив, на территории которого располагалось великое множество дач, по преимуществу щёгольских. Это место и называлось Лесное. Район, расположенный на возвышенности, изобилует богатой растительностью и не без оснований почитался самой здоровой из всех петербургских окрестностей. Обширный парк при Земледельческом институте был открыт для гуляния дачной публики, а в так называемой Беклешовке – обширной и богатой даче Реймерса – находились устроенные на деньги владельца увеселительный сад, ресторан и театр, действовавшие только в летнее время. Несмотря на сравнительную отдалённость от центра столицы и немалую стоимость, дачи в Лесном последние четверть века нанимались нарасхват. Спрос на аренду дорогих дач возле Санкт-Петербурга многократно превышал их предложение.

Попетляв по дорогам, извозчик, руководимый Базаровым, подъехал, наконец, к широкой алее. В её конце виднелся большой одноэтажный, но с мансардой, деревянный дом. А по бокам от него, за купами дубов, угадывались другие постройки, вероятно, хозяйственного назначения. По петербургской традиции дачи не имели оград или заборов, люди здесь всегда жили открыто и гостеприимно. Данное обстоятельство, кстати, чрезвычайно удивляло Шумилова, когда он только попал в Петербург; ему, выходцу с юга России, где все и вся пряталось за глухими заборами, поначалу делалось не по себе от такой нарочитой открытости столичных жителей.

В доме горел свет.

– Много народу наехало, – неожиданно проговорил Базаров. – Племянник приехал на похороны и живёт здесь уже третий день. Актриса Надежда Аркадиевна приехали, захотели тут поселиться пока вопрос с завещанием не прояснится. Слетелись, вОроны...

Шумилов отметил, что за их приездом внимательно наблюдают двое мужчин – по виду самого простого звания – конюхи или дворники, стоявшие на углу дома. Расплатившись с извозчиком, Владимир Викторович покинул экипаж и пригласил Шумилова следовать за ним. Они прошли на открытую террасу, мокрую от дождя, усыпанную мелкими веточками, обломанными ветром с росшей рядом осины.

Не открывая зонтов, мужчины быстро миновали террасу и вошли в дом. Сначала они очутились в довольно большой и слабо освещённой комнате, судя по обстановке, в гостиной, а из неё прошли темным коридором вглубь дома. Из-под некоторых дверей выбивались полосы света, другие же оставались темны. Шумилова неприятно поразили скрипучие половицы, можно было подумать, что он находится в каком-то деревенском домишке, а не в резиденции миллионера.

Дом Соковникова представлял собою П-образное строение, оказавшееся неожиданно большим. Своим сравнительно коротким фасадом с террасой он был обращён к подъездной аллее, откуда боковые крылья оставались незаметны. А это не позволяло верно оценить его размеры. Лишь очутившись внутри дома, можно было понять, что он много больше, нежели казался вначале.

Пройдя коридором в одно из крыльев, Шумилов и Базаров, наконец, вошли в ещё одну большую гостиную, довольно прилично меблированную. Тут оказалось с полдюжины кресел,

диваны вдоль стен, маленькие столики для карточных игры, камин, большая, украшенная изразцами печь в углу, потускневшие зеркала в золочёных рамах, на полу – ковры с бахромой. Тяжелые парчовые занавеси с кистями закрывали окна. Всё свободное место на стенах оказалось занято фотографиями и картинами. В обстановке этого помещения ощущалась любовь к роскоши и комфорту, хотя одновременное наличие камина и печи выглядело как «перебор» и выдавало недостаточно развитый вкус хозяина.

В гостиной уже находились три человека: моложавая дама лет под сорок, с буклями, затянутая в талии в корсет, с очень подвижным лицом и следами косметики; коротенький мужчина лет пятидесяти, лысенький, с брюшком, толстыми короткими ручками, пухлыми пальцами, унизианными перстнями и лоснящейся розовой физиономией; худой астеничный мужчина с усталым лицом, бородкой клинышком и с пенсне на носу, что делало его похожим то ли на учителя, то ли на провинциального доктора. У всех троих в одежде присутствовали элементы траура – черные банты на нагрудных карманах у мужчин и чёрный креп на платье дамы.

Базаров несколько не смутился, увидев этих людей. Спокойно, с достоинством и как будто бы даже вызовом в голосе, он проговорил:

– Господа, смею побеспокоить вас. Позвольте представить господина Шумилова, которого я рискнул пригласить для завтрашней процедуры описи вещей покойного Николая Назаровича. Алексей Иванович по роду своих занятий юрист; по моей просьбе проследит за соблюдением всех необходимых формальностей.

Гости в изумлении уставились на обоих мужчин. Шумилов сразу же понял, что подобное свободное поведение Базарова в глазах знавших его людей выглядит весьма необычным. Потребовалось несколько в высшей степени долгих секунд неловкого молчания, пока, наконец, не очнулся астеник: он с поклоном головы представился:

– Доктор Гессе. Франц Гессе, лечивший покойного при жизни...

Оживились и прочие персоны. Толстенький, присюсюкивая и причмокивая, точно с конфеткой во рту, проворковал сочным баритоном:

– А я в свою очередь – капельмейстер Императорских театров Лядов Антон Антонович. А наша спутница – Епифанова Надежда Аркадиевна, актриса.

Он как бы патронировал женщину, губы которой тут же стали кривиться в фальшивой улыбке.

На секунду или две вновь повисло неловкое молчание, но все присутствовавшие были слишком хорошо воспитаны для того, чтобы дать почувствовать другим свои переживания, и потому разговор, прерванный появлением Шумилова и Базарова, тут же возобновился. Как нетрудно догадаться беседа касалась тем самых общих и притом нейтральных – похорон Соковникова, отвратительной погоды. Затем, с подачи доктора, разговор перескочил в другое русло: Гессе напомнил о состоявшемся 28 мая этого года решении о подчинение Лесного, Полостровского, Шлиссельбургского и Петергофского пригородных участков Петербургскому градоначальству. Начались рассуждения вокруг того, каким образом данная мера повлияет на цену дома Соковникова и участка принадлежавшей ему земли в Лесном. Шумилов получил возможность вступить в разговор и толково объяснил присутствовавшим экономические и правовые последствия данной административной меры.

Тут послышались шаги, и в гостиной появился новый персонаж – мужчина лет тридцати, облачённый в строгий чёрный костюм, сидевший на нём несколько мешковато, отчего сразу становилось ясно, что это далеко не повседневная его одежда. Вошедший оказался невысок, чуть полноват, с залысинами со лба. Во взгляде его угадывалась какая-то тоска, точно он мучился никому неведомой болью. Выглядел вошедший типичным провинциальным купцом, каковым в сущности и оказался. Базаров представил вошедшего Шумилову – это был племянник покойного Василий Александрович Соковников. Он сказал, что очень рад приезду юриста.

- Честно признаюсь, я даже опасаюсь завтрашней процедуры, – признался племянник.
- Отчего же? – полюбопытствовал Шумилов.

– Вокруг неё, знаете ли, слишком много интересов сталкивается, – уклончиво ответил Василий и, явно стараясь перевести разговор на другое, спросил в свою очередь, – вы нам объясните, пожалуйста, какое значение будет иметь завещание, если таковое окажется обнаруженным завтра.

– Российское наследственное право признаёт несколько видов завещаний, – принялся объяснять Шумилов. – Во-первых, так называемое «нотариальное», составленное завещателем в письменной форме и заверенное нотариусом в присутствии двух или более свидетелей, каждый из которых призван удостоверить личность завещателя. Насколько я понимаю, именно такое завещание оказалось открыто сегодня в конторе Утина. Во-вторых, так называемое «домашнее» завещание. Под таковым понимается волеизъявление, касающееся посмертного раздела имущества завещателя, сделанное им в письменной форме при отсутствии специально приглашённого юриста. Такой документ может быть исполнен как рукою завещателя, так и рукою кого-то из присутствовавших, главное, чтобы сей документ заверялся подписями двух или более свидетелей. В-третьих, существуют особые виды завещаний, связанные с необычной обстановкой, в которой находится завещатель. Это так называемые «военно-походное», «военно-морское», «военно-госпитальное» завещания, а также «заграничное». Названия их говорят сами за себя; они фиксируют волю завещателя в обстановке, связанной с нехваткой времени в боевых условиях, при угрозе смерти от полученного ранения, а также в условиях нахождения вне отечественной юрисдикции и вызванного этим отсутствием российского нотариуса. Понятно, что специальные виды завещаний к данному случаю никак не могут быть приложены.

– И как же закон рассуждает относительно ценности тех или иных завещаний? – тут же поинтересовался доктор. – У которого из них окажется приоритет в случае открытия двух или более противоречивых документов?

– Независимо от видов завещаний закон признаёт приоритет того из них, которое окажется последним по времени составления. Здесь важно понимать, что наличие двух завещаний может послужить поводом для судебного разбирательства. И очень важным окажется соблюдение всех процессуальных норм, которыми сопровождалось составление и обнаружение каждого из документов. Ясно, что оспорить нотариальное завещание весьма трудно, поскольку нотариус – опытный законник и позаботится о должном соблюдении всех форм. Другое дело домашнее завещание. Свою задачу я вижу как раз в том, чтобы при обнаружении и открытии документа полицеймейстером подсказать последнему о необходимости документального закрепления своих действий. Для возможного суда подобное закрепление может быть весьма важным. Кроме того, в моём присутствии здесь есть и ещё одно немаловажное для всех вас обстоятельство...

– И какое же это, позвольте полюбопытствовать? – не без ехидцы осведомился капельмейстер Императорских театров.

– Насколько я могу судить, из всех присутствующих я являюсь единственным незаинтересованным в этом деле лицом. И ежели – не дай Бог, конечно! – конфликт завещаний окажется перенесённым в суд, моё суждение может оказаться если не решающим, то по крайней мере, весьма ценным.

– Но вы же приглашены господином Базаровым! – фыркнула актриса. – Мы все сегодня стали свидетелями сцены, которую он закатил у нотариуса. То же мне незаинтересованное лицо...

– Уважаемая Надежда Аркадиевна, уверяю вас, что факт моего приглашения господином Базаровым никоим образом не подтолкнёт меня к лжесвидетельству в суде, – как можно спокойнее парировал бестактную колкость в свой адрес Шумилов. – Допуская иное, вы, во-

первых, демонстрируете юношескую торопливость суждений, а во-вторых, неуважение ко мне как гражданину и профессиональному юристу.

– Я ничего не имела... – опешила актриса от сказанного Шумиловым, – ... лично вас никоим образом задеть не помышляла... и не думала... и не надо вкладывать в мои уста того, чего я не говорила вовсе!

Она даже повысила голос, изобразив оскорблённую невинность. Алексей не стал пикироваться с женщиной, чей уровень мышления проявился только что столь выпукло и очевидно; он демонстративно повернулся к ней спиной и обратился к племяннику Соковникова:

– Скажите, пожалуйста, если конечно, сочтёте мой вопрос уместным: как умер ваш дядя?

Василий Александрович откашлялся и с поклоном – чем удивил Шумилова – ответил:

– Он умер во сне. Нашёл его утром двадцать пятого августа господин Базаров.

Тут же к разговору подключился сам Владимир Викторович:

– Зашёл как всегда, а он не отзывается. Я тронул – он уже холодный. Позвал управляющего, Якова Даниловича Селивёрстова, он у нас всему голова, тоже в доме живёт почти безотлучно. В том смысле, что имеет квартиру в городе, но там редко бывает, почти всё время тут. Господин Селивёрстов занимает комнату наверху, в мансарде... Н-да, так вот, он быстро явился, убедился, что Николай Назарович... гм-м-м... отошедши уже... ну, и собрался ехать в город. Сказал мне, что сам обо всём позаботится. А позже уже, к вечеру приехал врач.

Заговорил и доктор Гессе, сделавший несколько шагов в сторону Шумилова. Само собой получилось так, что Алексей Иванович собрал вокруг себя присутствовавших в гостиной.

– Я в тот день дежурил в больнице и около половины одиннадцатого утра ко мне заехал Селивёрстов, – принялся вспоминать Гессе, – он сказал, что Николай Назарович умер. Я лечил его на протяжении последних шести лет, так что это хорошо знакомый мне пациент. Я взволновался. С большим трудом бросил больничные дела и приехал. Было уже часа три пополудни. Приезжаю, а тут анархия: тело всё ещё на кровати, а по дому шныряют посторонние люди...

– Простите? – удивился Шумилов.

– Селивёрстов зачем-то купца привёз, Локтева, – пояснил Гессе. – Я спросил Владимира Викторовича, – последовал кивок в сторону Базарова, – была ли вызвана полиция, мне сказали нет, не была, потому как управляющий велел всем домочадцам ждать его распоряжений, а сам уехал в город. Я возмутился. Сейчас же послал дворника в ближайшую полицейскую часть. Но сам ждать более не мог, надо было в больницу спешить.

– Через пару часов после отправки дворника прибыл из Лесной части полицейский пристав с командой, – продолжил рассказ Базаров. – Человек шесть полицейских в мундирах и при оружии. Пристав сказал, что будет всё опечатывать. Дом богатый, могут быть ценности. Ну, и стали они все шкафы закрывать и опечатывать, кругом бумажки свои полицейские понаставили.

– А вы слышали что-нибудь о новом завещании? – спросил Шумилов, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Я не слышала, – неожиданно подала голос актриса. Видимо, ей было чрезвычайно неприятно, что всё внимание присутствовавших сосредоточено на теме, затронутой Шумиловым.

А капельмейстер в пику ей тут же проговорил:

– А я, напротив, не только слышал, но даже присутствовал при его зачитывании. Это было месяца три тому назад... да-да, как раз в конце мая. Соковников пригласил на дом нотариуса и всё по новой оформил. Он, знаете, вообще-то любитель был порассуждать, что кому оставит, – эта фраза Лядова была адресована Шумилову. – Я слышал, он даже в прощённое воскресенье ритуал такой устраивал с домашней челядью: выстраивал всех и перечислял, что кому отписывает после своей смерти, – и, перехватив недоверчивый взгляд Алексея Ивано-

вича, капельмейстер Императорских театров поспешил добавить, – не смотрите на меня так, полюбопытствуйте лучше у господина Базарова.

– Такое в самом деле устраивалось? – Шумилов повернулся к камердинеру.

– Да, точно так. Это он как бы извинялся перед людьми, если обидел кого, так чтоб, значит, не серчали и зла на него не держали, потому как в завещании никого не забудет.

– Гм-м, – Шумилов задумался на секунду. – А что, Николай Назарович и правда обижал?

– О покойных либо хорошо, либо ничего, так что лучше промолчать, – вновь подала голос язвительная актриса, хотя с нею никто не разговаривал. – Даже сегодня, после своей смерти Николай Назарович сумел над всеми нами поиздеваться.

– Это каким же образом? – поинтересовался Алексей Иванович, хотя ответ на этот вопрос он в общем-то знал.

Дамочка не успела открыть рот, её опередил капельмейстер Императорских театров:

– Представляете, в том завещании, что у нотариуса нам сегодня зачитали, он почти всем дал издевательские характеристики, такие, что никаких денег не захочешь.

Именно такой ответ Шумилов и ожидал услышать. «Однако, вы все тут как тут», – подумал он про себя не без толики ехидства. – «Может, покойный не так уж и заблуждался на ваш счет?». Вслух он, разумеется, этого не сказал, а лишь спросил с самым невинным видом:

– Какие, например?

– Про купца Куликова написал, что жалуется тому... не помню уж сколько, но не очень большую сумму, в надежде, дескать, что это поможет заплатить карточные долги его непутёвого сына-обормота..., – ядовито проговорила актриса.

– ...и про дворников наших, Кузьму и Евсея тоже нелюбезно прописал, – поддержал её Базаров, – жалую, дескать, им всю одежду с моего плеча, шубу енотовую, шапку на лисе и три пары сапог. Пусть хоть пропьют, хоть подерутся, таким дурням, как они, что ни дай – всё не в прок пойдет.

– ...про купца Локтева, друга своего многолетнего, тоже высказался, – добавил доктор Гессе. – У него, купца этого, две дочки, и Николай Назарович был у них крёстным. Ну, Локтев, понятное дело, был в надежде, что миллионщик что-нибудь да оставит своим крестницам. И он оставил, действительно, что-то около пятисот рублей, но с припиской – для Локтева, который только и умеет что «девок строгать», а на большее, дескать, не способен.

– М-да, зло, конечно, написано, зло... – покачал головой Шумилов. – А за что же это он их так?

Повисла пауза. Видимо, никто не желал отвечать на этот вопрос. Наконец, Базаров со вздохом пробормотал:

– Уж характер у него был такой.

– Неправда! – неожиданно взъярилась актриса. – Золотой был характер у Николая Назаровича, золотой это был человек!

– Ой да полноте, Надежда Аркадиевна, – отмахнулся капельмейстер. – Перед нами-то не надо тут сказы рассказывать... Или вы на самом деле позабыли, как на моём плече навзрыд рыдали год назад?

Женщина, осаженная таким резким замечанием, покраснела, закусил губу, но смолчала. Разговор сам собою прервался. Повисла натянутая тишина.

Шумилов, дабы занять себя, принялся рассматривать фотографии на стенах. Среди прочих персонажей чаще всего попадалось одно лицо – моложавое, несколько одутловатое, с гладкими, без следов растительности щеками. Человек этот выделялся высоким ростом, крупной, несколько рыхлой фигурой.

– Это, очевидно, Николай Назарович? – спросил Шумилов, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Да, именно он, – ответил Гессе. – Фотографии этой лет двадцать, наверное.

Где-то в доме хлопнула дверь, раздались приглушённые расстоянием и стенами голоса. Шумилов вопросительно посмотрел на Базарова, и тот в предположительной форме высказался, что, вероятно, вернулся управляющий Яков Данилович Селивёрстов. Действительно через минуту тот заглянул в дверь. Это был мужчина лет около пятидесяти, рослый, кряжистый. Лицо его неприятно поражало в первые моменты: пергаментная кожа, словно бы натянутая на череп, казалась скорее принадлежащей мумии, нежели живому человеку, а угловатый череп, резко выступавший на скулах и в надбровных дугах, придавал Селивёрстову схожесть с какой-то хищной костистой рыбой. Уши, непропорционально большие и притом неодинакового размера, казались похожими на вареники. На голове управляющего пробивалась кое-где жиденькая растительность, мало красившая её обладателя. По совести говоря, лучше бы тот вовсе стригся наголо. Гладко бритый, без усов и бороды, управляющий был одет в мятую пиджачную пару, на ногах – заляпанные грязью сапоги, оставлявшие на полу мокрые коричневые следы.

Селивёрстов внимательно оглядел присутствовавших в гостиной, впрочем, равнодушно, безо всякого недоброжелательства или наоборот, показного расположения. Поздоровался, прошёл к Базарову, который представил его Шумилову. Видимо, Алексей Иванович оказался единственным, кого управляющий не знал в лицо. Они обменялись несколькими общими фразами. По тону, в каком проходило общение камердинера с Селивёрстовым, Шумилов понял, что его приезд не явился для управляющего неожиданным; стало быть, приглашение юриста они прежде обсуждали.

– Прошу извинить, отправлюсь спать, – вежливо, но без заискивания раскланялся Яков Данилович. – Завтра будет хлопотный день. Чертовски устал.

После того, как Селивёрстов удалился, за ним потянулись и остальные. Доктор, прощаясь, сказал, что поедет домой. Капельмейстер собрался ехать вместе с ним: так было веселее, да и безопаснее. Племянник тут же отправился распорядиться насчёт коляски для доктора. Дама заявила, что тоже идёт спать. Статус актрисы оказался таков, что она могла не спрашивать позволения управляющего для того, чтобы заночевать в доме.

Базаров вызвался проводить Шумилова в его комнату. Оказалось, что гостевых комнат в просторном доме умершего миллионера шесть штук, так что никаких проблем с размещением Алексея не возникло.

Уже лёжа в постели в маленькой скромной комнатке, с дешёвыми бумажными обоями в цветочек, где безликая и чужая обстановка так напоминала гостиницу, Шумилов вдруг начал прислушиваться к монотонному шуму дождя за окном, тревожному шелесту мокрой листвы и непривычным звукам старого скрипучего дома. Он ожидал, что быстро уснёт, а вместо этого принялся ворочаться и никак не мог отделаться от накатившей вдруг тоски. Всё здесь казалось унылым и мрачным, пахло смертью, тленом и беспросветным одиночеством. Алексей Иванович кожей ощущал тягостную атмосферу этого невесёлого места и чувство тревоги, которое он долго не мог подавить, мешало приходу сна.

2

Утром Шумилова разбудили знакомые по детским воспоминаниям звуки проснувшегося дома. Где-то скрипели половицы, звякала щеколда на двери; откуда-то издалека, из-за плотно прикрытой двери, отдалённо доносились до Алексея бубнящие дробно, но неразборчиво голоса. Во дворе слышалась перебранка конюха и дворника. Время было не определить, поскольку в гостевой комнате не оказалось часов. Алексей оказался вынужден встать, дабы извлечь карманные часы из жилета, а заодно и выглянул в окошко. Без четверти девять – эко разоспался! Дождь кончился и впервые за последние трое – или даже больше – суток небо прояснилось. Сквозь просветы в высоких кучевых облаках несмело пробивались солнечные лучи. Неужели лето отыграет назад и вернёт жителям северного города хотя бы часть того, что недодало в прежние месяцы?

Шумилов оделся, умылся и вышел к завтраку.

Столовую он отыскал, вспоминая давешнее описание дома, но более в этом помогли голоса, доносившиеся из конца коридора. В громадной комнате с высотой потолка чуть ли не в две косых сажени, мрачной, зашитой тёмными дубовыми панелями, оказался расставлен тяжеловесный гарнитур из морёного дуба: овальной формы стол на изогнутых ножках, в тон ему стулья с мягкими пружинными сиденьями, обтянутыми полосатым атласом, две изящные горки с хрусталём по обе стороны от дверей. У входа в помещение Шумилов увидел немо стоявшую горничную – женщину лет сорока с грустным усталым лицом. За большим столом, покрытом небелёного льна скатертью, сидели актриса, капельмейстер, племянник покойного Василий и управляющий. Базарова в столовой не было видно.

На столе оказался выставлен белый хлеб, молоко, масло, варенье, варёные яйца, яблоки. Слуга, толкая перед собою столик на колёсах, двигался вдоль стола, предлагая рассевшимся господам гречневую кашу.

– Что вы мне солдатскую еду предлагаете? – фыркнула Надежда Аркадьевна. – Вы ещё «кирзуху» из овса посоветуйте попробовать! Я ведь не лошадь. А нет ли... чего-нибудь... хотя бы мармелада, или горячего шоколада?

Последние её слова были обращены уже к управляющему.

– Не держим-с, Надежда Аркадьевна, не держим-с, – отозвался Селивёрстов. – Покойный хозяин, как вам известно, являлся сторонником простой пищи – хлеб да квас поутру, иногда молоко и творог. Ягоды любил-с, но и то, ежели только свои, из сада.

Дама сокрушенно вздохнула и принялась за варёное яичко, разбивая его серебряной ложечкой.

Шумилов поздоровался, пожелал присутствовавшим приятного аппетита, и присел к столу.

У всех были озабоченные лица, видно, каждый был поглощён думами о скором визите полицейского пристава и возможных результатах предстоявшей процедуры описи бумаг покойного скопца. Мрачное настроение присутствовавших не способствовало общению, поэтому завтрак прошёл практически в полном молчании.

Шумилов, в отличие от актрисы, не побрезговал гречневой кашей. Покончив с едой, он отправился бродить по дому. В гостиной, через которую Алексей Иванович давеча попал в дом, он увидел Базарова. Поздоровавшись, поинтересовался, почему тот не вышел к завтраку.

– По сути я же лакей, прислуга, – ответил Владимир Викторович. – Никогда с господами за стол не садился. Вот Яков Данилович всегда с хозяином столовался, кроме последнего времени.

– А что случилось в последнее время? – поинтересовался Шумилов.

– Хозяин на него серчал, говорил, каналья, прохвост. Рассчитать его собирался.

- За что же это он так нелюбезен стал?
- Не могу знать. Вышел, видать, из доверия.

Они прошли на веранду, откуда увидели целую кавалькаду подъезжавших к дому экипажей. В первом Шумилов без труда узнал нотариуса Утина Лавра Ильича, того самого, у которого хранилось уже вскрытое завещание. Согласно этому завещанию Утин был назначен душеприказчиком, так что его появление в доме Соковникова представлялось вполне обоснованным.

В других экипажах восседали личности куда более колоритные. Базаров негромко назвал их Шумилову:

– Во втором экипаже иеромонах Санкт-Петербургского подворья Валаамского монастыря Никодим, он много лет знал Николая Назаровича. Покойник много жертвовал Валаамской обители, там его, почитай, все знали. А вот следом едет актриса, Смирнитская Тамара Платоновна, ей Николай Назарович тоже много помогал. Видать, ждёт, что и после смерти ей что-то отвалится.

Актриса оказалась видной дамой лет тридцати пяти, высокого роста, с прекрасной женственной фигурой, затянутой в корсет, пышной прической, в широкополой шляпе с развевающимся на ветру чёрным крепом. Её траурный туалет несомненно был тщательно обдуман. Даже в обстановке, не способствовавшей флирту и общению, эта женщина желала производить впечатление: вот что значит артистическая натура!

Постепенно на веранде собралось довольно много народу. Кто-то стоял, другие вынесли из гостиной стулья и расположились сидя. Знакомые друг с другом вполголоса переговаривались. Все ожидали приезда полиции и начала положенных законом процедур.

Ближе к десяти часам наконец-то приехал пристав с двумя нижними чинами. Племянник Соковникова на правах хозяина встретил их, проводил в комнаты. Предупредил, что «некоторыми из заинтересованных лиц» приглашены юристы и представил приставу Шумилова и нотариуса Утина. Полицейский равнодушно-корректно поздоровался с обоими и тут же словно позабыл об их существовании. Пристав произвёл на Шумилова двойственное впечатление: с одной стороны, его одутловатое красное лицо и пивной живот, туго натягивавший китель, свидетельствовали о пристрастии к алкогольным напиткам, с другой стороны, блюститель закона весьма терпимо отнёсся к присутствию большого количества пристрастных свидетелей его действий и не попытался в чём-либо их ограничить.

Перед тем как войти в опечатанные помещения, пристав попросил свидетелей построиться «в коридоре по ранжиру» и обратился к ним с краткой речью.

– Закон не запрещает вам следить за действиями должностного лица, составляющего опись – меня в данном случае, – но хочу обратить внимание присутствующих на необходимость соблюдения тишины... – важно начал пристав. – Также призываю всех воздерживаться от иронических замечаний и советов, как лучше надлежит действовать лицам, исполняющим закон. Уверяю вас, сие мы знаем и без ваших домыслов. За нарушение моих требований я буду удалять неподчинившихся, невзирая на занимаемые ими должности и разного рода звания. Выберите из своей среды свидетелей, в количестве двух человек, которые по окончании описи подпишутся под официальным протоколом.

Полицейский оглядел вытянувшуюся перед ним шеренгу соискателей соковниковских миллионов. Шумилов готов был поклясться, что в эту минуту во взгляде пристава мелькнула тень то ли злорадства, то ли ехидства, то ли банального презрения, что-то такое очень пренебрежительное и уничижительное...

– А не пожелаете ли вы записать наши фамилии? – вдруг брякнула ни с того ни с сего Надежда Аркадьевна Епифанова.

– Зачем это? – изумился пристав. – Сие мне ни к чему. Вы назначьте из своей среды свидетелей, которые подпишут протокол. Вот их фамилии мне понадобятся, а остальные – ни

к чему! Это для вас происходящее имеет чрезвычайную важность, а для истории – сие рутина, – для чего-то добавил он наставительно.

Осмотр помещений покойного начали с той самой комнаты, в которой он умер. Это была спальня. Начиная с двадцать пятого августа комната стояла опечатанной полицией, и с того времени здесь никто не бывал. Вслед за полицейскими в спальню вошли Селивёрстов, нотариус Утин и Шумилов. Остальные находились поблизости, в смежной со спальней комнате, но за порог не заходили.

Помещение, служившее покойному Николаю Назаровичу Соковникову спальней, оказалось довольно просторной комнатой в три окна, выходящими в сад. Располагалась она в дальнем конце дома, в торцевой его части. Несмотря на высокий цоколь под домом, света в окна проникало мало из-за разросшихся кустов сирени и боярышника, которые буквально стукались в стёкла. Уже с первого взгляда на обстановку помещения становилось ясно, что оно служило одновременно и спальней, и кабинетом. За драпировкой, отделявшей альков от остального пространства комнаты, помещалось просторное ложе с иконами в изголовье. На момент осмотра постель оказалась заправленной и застланной стёганным покрывалом. Тут же, в алькове, подле кровати стоял комод, очевидно, предназначенный для хранения белья.

В остальном обстановка комнаты вполне соответствовала кабинетной: перед одним из окон – большой письменный стол, с двумя тумбами с выдвижными ящиками, объёмистое кресло позади стола. В «красном углу» над столом – несколько старых тёмных икон в дорогих окладах. У соседнего окна расположилось удобное кресло с придвинутым к нему лаковым ломберным столиком, второе такое же кресло было обращено к роскошному камину, выложенному красным мрамором. По сторонам от него расположились два громоздких книжных шкафа с застеклёнными дверцами. На тёмной полировке шкафов были хорошо заметны наклеенные бумажные ленточки с полицейскими печатями, так называемые «маячки».

Шумилов, будучи большим книголюбом, разумеется, заинтересовался книжными шкафами. Подборка литературы, выставленной там, заслуживала высокой оценки: книги в основном оказались историческими, либо связанными с историей религии. Алексей Иванович особо отметил стенограмму судебного процесса над Жанной д'Арк, изданную на французском языке в 1840 году: в России такое издание было настоящим раритетом. «А покойный, видимо, любил почитать, даром, что вышел из купеческой среды,» – подумал Шумилов.

На стенах спальни во множестве были развешаны фотографии, разнообразные как по размерам, так и по содержанию: тут можно было видеть панорамы русских городов, пригородов с производственными строениями – возможно, фабриками или мастерскими, – а также фотографии скаковых лошадей и портреты мужчин со строгими лицами. Последние носили причёски на прямой пробор и напоминали своим видом старое русское купечество.

Далее, в углу комнаты стояло большое бюро с высоким стулом перед ним. Бюро имело множество ящичков, но каждый из них сейчас был опечатан полицейским «маячком». В другом углу спальни помещался громоздкий шкаф-гардероб, подле него – туалетный столик с двумя тумбами и большим овальным зеркалом над ним. На столике в ряд выстроились разнообразные баночки-скляночки наподобие тех, коими обычно пользуются женщины, берегущие свою красоту; тут же были и изящные флаконы с притертыми пробками, видимо, для дорогих одеколонов.

Один из полицейских, принявший на себя обязанности секретаря, расположился за письменным столом. В качестве понятых в протокол осмотра были вписаны нотариус Утин и Шумилов.

Пристав принялся сноровисто осматривать вещи покойного. Начал он с письменного стола, что в общем-то представлялось логичным. Полицейский выдвигал ящики, выкладывал их содержимое на стол, просматривал и диктовал секретарю то, что считал нужным внести в протокол. В столе среди большого количества канцелярских принадлежностей оказались най-

дены многочисленные счета за дрова, уголь, фураж для лошадей, домашней скотины и птицы за несколько последних лет; отдельный ящик занимали письма, пожелтевшие открытки и старые театральные программки. Первой по-настоящему любопытной находкой оказались пятнадцать толстых тетрадей в клеёнчатых «рябеньких» переплётках, исписанные размашистым почерком.

– Эвона, – задумчиво пробормотал пристав, полистав тетради, – покойный Николай Назарович, оказывается, был силён в эпистолярном жанре. Надо же такой дневник оставить! Это ж сколько тыщ листов!

Шумилов, пройдя к порогу, возле которого стоял Базаров, негромко спросил у последнего:

– Покойный действительно вёл дневник?

– Не знаю даже как сказать, – пожал плечами Владимир Викторович, – хозяин каждый вечер в тетрадку что-то заносил, видать записи какие-то.

– И ежу понятно, что записи. А давно ли он этим занимался?

– Сколь помню, всегда. То есть все годы, что я у него служил.

Дневники были внесены в полицейский протокол, причём – и это приятно поразило Шумилова – очень дотошно: пристав продиктовал даты начала и окончания записей в каждой из пятнадцати тетрадей. Видимо, полицейский прекрасно понял важность сделанной находки.

От стола осмотр переместился к бюро. Там были найдены деньги – как кредитные билеты, так и монеты – на общую сумму двадцать восемь рублей. По ящикам оказались разложены конверты с банковскими документами разных лет: договорами, выписками со счетов, кассовыми квитанциями. Помимо этого в бюро оказались и четыре приходно-расходных книг разных лет, списки служащих по городскому дому и даче. Полиция всё скрупулёзно внесла в опись.

За медленной монотонной работой незаметно текли часы. Многим из присутствующих, которые всё это время толпились в смежной комнате, лишь изредка покидая её, сделалось откровенно скучно. Ничего необычного не происходило – никаких кубышек с золотом, ничего похожего на кипы банковских облигаций – ничего такого пока найти не удавалось и потому люди просто-напросто утомились ожиданием.

В три часа пополудни пристав переглянулся со своими коллегами-полицейскими: «Ну что, обед, что ли?»

Кормили всё в той же столовой. Распоряжался племянник, но как-то неумело, неловко, видно, не войдя во вкус командования людьми. Еда показалась всем невкусной, и кое-кто даже не стал этого скрывать. Простые блюда – каша, щи, омлет, да кисель – вряд ли могли понравиться дворянам. Дамы только для вида поковыряли вилками омлет, а потом, словно красуясь друг перед другом, демонстративно отодвинули тарелки от себя.

После обеда пристав, сославшись на неотложное дело, попросил предоставить ему тихую комнату, такую, где бы его никто не потревожил. Базаров проводил полицейского в одну из дальних комнат, где стояла зачехлённая мебель и плотно прикрыл за приставом дверь. Через пять минут оттуда уже раздался богатырский храп.

– Он что, так и будет храпеть на рабочем месте, а мы станем его дожидаться? – вспылила актриса Елифанова, узнав от Базарова, что пристав уснул.

– Не переживайте так, уважаемая Надежда Аркадьевна, – ответил вместо камердинера Шумилов. – Рабочее время штатного полицейского разбито на две половины, после шести часов вечера господин пристав продолжит исполнение своих служебных обязанностей. В том, что он сейчас не работает, нет никакого нарушения закона.

– Ага, стало быть, мы станем дожидаться, пока он проснётся, а затем потратим целый вечер на то, чтобы следить за его ковырянием в бумагах?!

– Я не понимаю вашего эмоционального всплеска, уважаемая, – как можно спокойнее ответил Алексей Иванович. – Вы можете не тратить своё драгоценное время и не следить за, как

вы выразились, «ковырянием в бумагах». Вы вольны в любой момент покинуть нас и, полагаю, никто из присутствующих не станет вам в этом препятствовать.

Воспользовавшись неожиданной паузой в работе, Шумилов предложил Василию Соковникову, племяннику покойного Николая Назаровича, выйти на воздух и немного прогуляться. Василий с удовольствием согласился – его тоже, по-видимому, тяготила медленность и тяжесть рутинной процедуры. Накинув на плечи легкое пальто, он повел Алексея по дорожке вглубь дачного участка.

– Дядюшка называл это «парком» – в отличие от «сада» и «огорода», которые располагаются там дальше, за конюшней, – он махнул рукой в сторону.

«Парк» представлял собою кусок настоящего карельского леса, лишь несколько облагороженного, почищенного от валежника и сухостоя, да с засыпанными топкими болотинами, и прорытыми кое-где водоотводными траншеями. Здесь было тихо, пахло хвоей, еловым соком, сырой землёй; здесь повсюду пели птицы, необыкновенно оживившиеся после многодневной череды дождей.

Шумилов и Соковников, обсуждая холодное лето и погодные катаклизмы, дошли до озера. Местность вокруг оказалась очень живописной – пригорки, низинки, звонкий ручей. Обстановка располагала к спокойному и доверительному разговору, потому Алексей решился прояснить некоторые моменты, казавшиеся ему покуда непонятными.

– Послушайте, Василий Александрович, я никак не могу взять в толк, почему сейчас в доме Николая Назаровича такое число соискателей его денег? Ведь, насколько я уяснил, единственный родной ему человек – вы.

– Ой, это большая тема, – Соковников только рукой махнул. – Всего Соковниковых было три брата: старшие – Михаил и Николай – родные друг другу, а младший Александр, мой отец, – им сводный, от второй жены. Сами по себе Соковниковы не были богатыми купцами, всего-то по третьей гильдии числились. Старший, Михаил, подался к скопцам, уж и не знаю, как это случилось, семейные предания о том молчат. Но именно от своих братьев по секте он и получил деньги. Наследовал каким-то крупным купцам, придерживавшихся скопческой ереси. Те люди детей не имели, понятное дело, ежели принять во внимание их обычаи! Когда умер отец-Соковников, дед мой, значит, тогда Михаил взял из училища Николая, намереваясь ввести его в общину и приобщить к сектантской вере. Бабушка моя почувствовала, что дело с этими скопцами затевается скверное; она быстренько забрала своего родного сына, моего будущего отца Александра – ему тогда было всего-то девять лет – и уехала с ним в Тверь. Тем самым она спасла его от возможных посягательств скопцов и Николая. А Николая, ну, то есть будущего Николая Назаровича, оскотили мальчишкой, он тогда мало что понимал. Однако, затем всё в нём взбунтовалось, и он убежал от старшего брата. Михаил его отыскал, вернул. Николай убежал снова. Михаил принялся его разыскивать с полицией. Когда полиция нашла беглеца, тот заявил жалобу на насильственное оскотление, началось расследование, и Михаил попал в тюрьму. Там он внезапно умер, и все деньги – колоссальное состояние – достались Николаю. В одночасье он сделался фантастически богат.

– И как велико было состояние?

– Говорят... я сам слышал от Николая Назаровича, что никак не менее пяти миллионов рублей серебром. Огромные суммы хранились в казначейских облигациях Министерства финансов. Когда подходило время погашения купонов, Николай Назарович был вынужден вручную их отрезать и ножницами натирал кровавые мозоли, – Василий показал на правой руке места возле большого и безымянного пальцев, где такие мозоли появлялись. – А на купоны помимо процентов начислялись ещё и выигрыши, внутренние-то займы у нас выигрышные! Так что он помимо процентов постоянно получал и довольно приличный бонус. Николай Назарович говорил не раз, что ему стыдно получать эти деньги, он ведь не прикладывал никаких усилий к их заработку... ну, разве что ножницами купоны стриг.

Василий на минуту умолк, видимо, потеряв нить рассуждений. Он некоторое время смотрел на воду в озере, потом, словно очнувшись, продолжил:

– Так вот, после вступления в права наследства на Николая Назаровича стали наседать скопцы, дескать, деньги принадлежат общине, и тебе надлежит вернуть их. Да только он от них отбил. И ненавидел их всеми фибрами души. Сам себя никогда скопцом не считал и жил как бы вопреки тому, что был кастрирован. Скопцы ему грозили, и он всерьёз их опасался: всегда при нём сторожа были надёжные, при оружии, собаки сторожевые; он первые лет двадцать самолично проверял окна ночью и днём, прочно ли закрыты. В общем, он боялся покушений. Однако, жил широко. Я к нему приезжал пару раз в год – на именины, на Пасху, всегда приходил с поздравлениями. Народу у него всегда толпилось полно – тоже все с поздравлениями и славословиями. Я среди этих людей чувствовал себя неуютно. Вот уж действительно, «бедный родственник». Мы с матушкой по питерским меркам жили скромно, лавка наша керосиновая не ахти какой доход давала. Дядюшка мне давал «на бедность», всегда посмеиваясь, сто рублей. Мы и этому были рады.

– И что же дядя? успел прожить своё состояние? – полюбопытствовал Шумилов.

– Да вроде бы и не прожил. Шикарный дом на Конногвардейском бульваре – дворец настоящий! – продал князю Кочубею, если не ошибаюсь, за двести шестьдесят тысяч рублей. Другой дом, на Вознесенском проспекте, оставил себе. Плюс два парохода его по Балтике ходят, да вот эта дача с землёю... да в ценных бумагах должно быть много. Он ценные бумаги постоянно держал; когда срок одних облигаций заканчивался, он немедленно перекладывался в другие, так что казначейские облигации должны у него быть непременно. Дядюшка, он хваткий был... Вроде бы и раздавал много, да только не более того, что получал, понимаете? Он сам не раз говорил: чтобы много получать, надо много тратить, к скупому деньги не пойдут... Вообще, он был известный жертвователь на дела церкви. Валаамскому монастырю церковь построил. Я слышал, она обошлась в пятьдесят тысяч рублей. Не на последние же деньги он эту церковь монахам построил! Как думаете? – Василий улыбнулся. – В том завещании, что у нотариуса открыли, он так всё разложил, на пяти страницах, кому чего и сколько, не только дома и пароходы, не только ценные вещи, но даже сапоги свои яловые – всё упомянул и расписал, кому что жалует. Многим дал: прислуге всей почти, кому тысячу, кому пять, кому сто рублей, правда иной раз до такой мелочи доходило, что и поминать, по-моему, не следовало бы. Ну, актрисам, по семи тысяч рублей серебром каждой, капельмейстеру этому, Лядову, тоже неплохую сумму – 3 тысячи, почитай, с неба упало... Своим приятелям, тому же купцу Куликову – три тысячи... Будто у Куликова своих капиталов мало... – невесело крикнул Василий и замолчал.

– Я видел в доме иконы старые, в дорогих окладах. А еще какие-то ценные вещи в доме хранились?

– В иконах Николай Назарович толк знал. Особенно любил новгородскую иконописную школу. У него хранились иконы возрастом в четыре-пять веков, это ж надо, пятьсот лет! разум меркнет перед такой толщей времени! Кроме того, Николай Назарович крест носил дорогой, с изумрудами. На Валааме заказал монахам, там ему и изготовили, он с крестом этим не расставался. Кольцо имел дорогое, точнее перстень с каким-то редким камнем, чёрным. Что ещё такого примечательного? Иконой владел необыкновенной, Святого Николая Чудотворца в драгоценном окладе. Оклад был цены невероятной, более полусотни бриллиантов в него вставлено, изумруды, сапфиры. Икону эту дядюшка завещал Валаамскому монастырю. В завещании даже фигурировала её стоимость – пятнадцать тысяч рублей.

– Действительно, цена немалая, – согласился Шумилов. – Приличное поместье можно купить. А среди тех икон, что по комнатам развешаны, её нет?

– Ни в комнатах, ни в спальне нет, – убеждённо ответил Василий Александрович. – Может, он её на реставрацию отдал или обменял? Если так, то обязательно должна обна-

ружиться запись на сей счёт – дядюшка в этом отношении являлся человеком аккуратным до педантизма. А может, икона эта просто лежит где-нибудь в сундуке. Мы же толком ещё почти ничего не осмотрели. Мне Базаров рассказал, что полицейский пристав в день смерти дядюшки сразу всех домашних предупредил – всё будет закрыто до объявления наследников и душеприказчика.

– А душеприказчиком назначен...

– ...нотариус, что давеча зачитывал завещание. Утин Лавр Ильич. Дядюшка давным-давно его знал.

– А вы знаете что-нибудь про новое завещание, то, что три месяца назад составлено?

– Ничего не знаю. Я с дядюшкой последний раз виделся на Пасху, так что сами считайте, апрель стоял. Он мне тогда ничего не говорил о намерении переделать завещание. И в письмах ни о чём таком не упоминал. Я уже здесь об этом услышал.

– А если точнее...

– А если точнее, то вчера от доктора Гессе.

Они сделали большой круг и вышли к дому. Небо уже совсем очистилось от облаков, засияло долгожданное солнце. Стало заметно теплее. Ветер стих и теперь всё напоминало о клонившемся к концу лете.

Шумилов и Василий Соковников вернулись в дом. Прогулка заняла чуть более получаса. Ещё примерно через полчаса появился пристав, преодолевший послеобеденные объятия Морфея. Неторопливый осмотр продолжился.

В последующие три часа скрупулезному осмотру подверглись книжные шкафы; каждая из книг была пролистана и внесена в реестр, получившийся список в виде отдельного приложения приобщён к протоколу осмотра. Пристав действовал неторопливо и толково; Шумилов убедился, что это человек, знающий толк в склоках по наследственным делам. Переписав все книги, пристав сразу снял все возможные упрёки в формальном отношении к своим обязанностям. Конечно, это сильно задержало осмотр, зато сильно повысило достоверность и полноту протокола осмотра в случае представления этого документа в суде. Актрисы вздыхали и охали, демонстрируя усталость от рутинности казённого мышления полицейских, капельмейстер скрипел стулом, томительно вздыхал Базаров, но Шумилов оставался в твёрдой уверенности, что всё идёт как нельзя лучше.

Тщательное изучение содержимого книжных шкафов имело для Шумилова то небесполезное следствие, что позволило ему составить представление о круге интересов покойного Николая Назаровича Соковникова. Назвать эти интересы разносторонними, значило бы выбрать слишком скромный эпитет. Подборка книг умершего кастрата, как уже успел ранее заметить Шумилов, оказалась в высшей степени нетипичной для людей его рода и звания: тут были исторические книги и древние классики – Сенека, Плутарх, Аристотель. Алексей Иванович не удержался и взял в руки один из толстых томов последнего. Это оказалась «Никомахова этика» с обширными комментариями – более тысячи страниц. Судя по пометкам на полях и истёртым краям, к этой книге обращались довольно часто.

Заметив немое удивление Шумилова, управляющий, стоявший подле, негромко пояснил:

– Николай Назарович одно время очень увлекался чтением, древних философов цитировал.

– А что читал в последнее время? – спросил Алексей Иванович, желая развить тему.

– А вот в последнее время почти ничего, только газеты и Псалтирь. Охладел он как-то к книгам.

Постепенно спустился вечер. Около семи пополудни пристав объявил, что продолжит осмотр следующим утром, поскольку сегодня всё равно не успеет его закончить. Спальня Соковникова снова была опечатана. Управляющий пригласил гостей отужинать, но почти все отказались, рассчитывая, очевидно, найти в Петербурге более приличную кухню. Гости стали

разъезжаться. В доме остались только актриса Епифанова, Шумилов, да племянник покойного Василий Александрович.

После ужина Василий отправился в свою комнату, сославшись на плохое самочувствие. Управляющий Селивёрстов предложил Шумилову и Надежде Аркадиевне пройти на террасу, поскольку туда будет подан чай. Затея с чаепитием на свежем воздухе оказалась отличной: стояла тихая лунная ночь, на безоблачном небе искрились хаотично рассыпанные звёзды, комары не беспокоили и даже гневливая актриса не раздражала Шумилова своими выходками. Благостная обстановка, очевидно, подействовала и на неё.

На столе посреди террасы оказался водружён пузатый медный ведёрный самовар. К чаю подали баранки, разнообразное варенье, сахарную голову. Разговор Алексея с актрисой касался самых незначительных предметов, чувствовалось, что Надежда Аркадиевна присматривается к собеседнику, во всяком случае Шумилов несколько раз ловил на себе её изучающие взгляды.

После чая Алексей решил помочь актрисе и предложил ей прогуляться по парку.

– Там, правда, темно, но, думаю, ноги мы не сломаем, – заметил он.

– С удовольствием, – ухватилась за сделанное предложение Епифанова, – делать всё равно нечего. А ложиться рано спать я привычки не имею.

Кокетливо поправляя причёску, она позволила набросить себе на плечи пальто. Привычное желание нравиться сквозило в ее жестах, улыбке, в том, как она оперлась на руку Алексея.

Сойдя с террасы, они двинулись по дорожке, огибающей дом.

– Если б вы знали, Алексей Иванович, какие раньше здесь устраивались гуляния! – вздохнула актриса. – Это сейчас дом пуст и заброшен. Вы обратили внимание, что большинство комнат закрыты, мебель в чехлах, а ставни не открываются вовсе? Сейчас на всём лежит печать запустения, но так стало лишь в последние годы, когда Николай Назарович от всех затворился. А вот раньше, бывало, на этой даче собиралась компания человек в двадцать пять-тридцать. Ох, и весело же ту было!

– А вы давно свели знакомство с Николаем Назаровичем?

– Сейчас кажется, что уже целую вечность, – Епифанова засмеялась. – Лет пятнадцать уж точно. Я тогда только-только пришла в театр, а Николай Назарович слыл известным театралом, ложу имел собственную, ни один бенефис без него не обходился. Любил театр и актёров, поддерживал многих нуждающихся. Знаете, как у братьев по нашему цеху бывает – то на лечение нет денег, то за квартиру задолжал, то дров на зиму не за что купить... Многим он помогал, щедрый человек был. Меня, молоденькую девочку, с первого же спектакля заметил. Всегда являлся в гримёрную с корзиной цветов. И всегда по возможности старался скрасить нам, актёрам, жизнь. Его городской дом всегда оказывался полон людьми, но кроме нас, друзей, туда являлось множество самых разных просителей, всем от него хотелось что-то отщипнуть. Он выстроил эту дачу специально, чтобы приглашать сюда только узкий кружок. Здесь всё располагает к веселому отдыху. Видите озеро? Там ранее находился лодочный сарай, а в нём три или четыре лодки. Катание по водной глади под луной – что может быть романтичнее? Шампанское, гитара, романсы... Зимой здесь заливали горку с длинным спуском, – Епифанова рукой указала на место подле воды, – катались целыми санными поездами. С горки сани вылетали прямо на лёд. Хохоту было! Ещё он держал специальную тройку лошадей с бубенцами и лентами. И зимой, и летом можно было покататься и на тройке, и верхом. Был большой гурман, любил хорошо покушать и гостя попотчевать. Повара выписал из-за границы.

– Но потом все изменилось...

– Да, буквально за год-полтора Николай Назарович совершенно переменился. Резко отошёл от нашей компании, гуляния закончились. Николай Назарович ударился в религию, тут же явились попы и давай его смущать – дескать, несправедную жизнь ведёшь, душу губишь! – Епифанова презрительно поморщилась, и Шумилов даже в темноте сумел разглядеть гримасу

негодования на лице актрисы. – Он поехала на Валаам, кучу денег вложил в строительство тамошней церкви, пробыл на острове почти год. Однако, и от попов отшатнулся. Что уж у них там случилось – не знаю. Мы к тому времени уже перестали тесно общаться. Думаю, обиделся Николай Назарович на что-то.

– А на что же?

Надежда Аркадиевна замялась. Шумилов понял, что актрисе чрезвычайно приятно его внимание и то, что наконец-то никто не мешает ей высказывать свои суждения свободно. Несомненно, ей хотелось рассказать ещё, как и большинству женщин, мнящих себя центрами вселенной. Любимое занятие дам такого сорта – это обсуждать с другими людьми, особенно мужчинами, свои жизненные коллизии, «очень сложные, трепетные, не как у других» чувства. В рассказах этих женщин – о чём бы они не рассуждали – всегда всё самое необыкновенное, невероятное и исключительное, такое, чего никогда не может быть испытано прочими.

– И не знаю даже, удобно ли об этом говорить... – многозначительно, с деланной сдержанностью проговорила Надежда Аркадиевна.

Она явно решила немного поломаться, набить себе цену, напустив таинственность. Разумеется, сугубо во имя соблюдения приличий!

– Вы уж меня извините, что я непрошенным гостем вторгаюсь в ваш внутренний мир, но зачастую понять мужчину можно лишь вникнув в его отношения с близкими ему женщинами, – залился соловьём Шумилов. – Поверьте, тут не пустое праздное любопытство.

– Я понимаю вас и не сержусь, – всё с той же нарочитой многозначительностью отозвалась актриса. – Что ж тут скажешь? Дело прошлое... За несколько лет тесного общения мы очень сблизились, можно даже сказать, что его чувства ко мне были более, чем дружеские... Я тоже к нему очень тепло относилась. Но вы же, Алексей Иванович, понимаете... его положение не давало возможности вести речь о чём-то большем, чем дружба. Он это отлично осознавал. И всё же... наступил оч-чень неприятный момент, когда он попросил моей руки. Смешно, да? Он сказал, что осознает невозможность полноценных супружеских отношений между нами в силу... в силу... его физического дефекта... но теплота общения и духовное родство душ помогут нам восполнить недостаток плотских удовольствий. Да, вот так примерно он выразился – витиевато и несколько напыщенно. Я сказала, что подумаю, но на самом деле знала ответ сразу же, просто не хотела его обидеть отказом в ту же минуту. Конечно, деньги и положение жены фантастического богача – это очень приятная сторона жизни, но... Если бы он был КАК ВСЕ – тогда другое дело, тогда и говорить не о чем. А вот так... Вы знаете, я даже стеснялась иной раз представлять его некоторым своим знакомым. Конечно, люди старались не подавать вида, но ЭТА его особенность... она всегда вызывала нездоровое, порой даже какое-то скабрезное любопытство и даже жалость. А для меня эти перешёптывания за спиной были бы несносны.

Шумилов на минуту задумался над услышанным. Он считал, что Епифанова только что сообщила ему чрезвычайно ценные сведения, возможно, даже сама того не понимая.

– Но физический недостаток Соковникова не мешал, однако же, большинству его знакомых пользоваться его щедростью и гостеприимством.

Надежда Аркадиевна, видимо, заподозрила в словах Шумилова упрёк, потому что ответила с неожиданным раздражением:

– Что ж вы хотите, у него было много денег. А у людей творческих – которые, заметьте! – ничуть не ниже его умом и талантом, всегда с деньгами туго. И что тут такого, если Николай Назарович оказывал помощь? Сам Господь велел делиться!

– Ну да, разумеется, – примирительно кивнул Алексей, – И как же Николай Назарович воспринял ваш отказ?

– Да никак особенно. Стреляться не стал, в петлю не полез, если вы об этом... Мне показалось, что он даже ожидал его, точнее, мало надеялся, что я приму предложение. Улыбнулся,

поклонился, даже ножкой пришаркнул – это он так любил пошутить. Но с той поры и наше общение, и вечеринки в его доме и на даче постепенно пошли на убыль. А потом, когда он на Валаам уехал, и вовсе прекратились. Когда он вернулся, мы встречались время от времени по особому поводу. Он присылал поздравления на именины, на Рождество и Пасху, я приезжала с визитом. Я ему неизменно присылала приглашения на спектакли, на бенефис – обязательно. Но он бывал всё реже. Иногда просто пришлёт корзину цветов вместо себя – и всё.

– А что же случилось год назад? Из-за чего вы плакали на плече у Лядова.

– Ох, Алексей Иванович, какой вы приметливый, ушки на макушке, да? Прошлой весной я приехала к Николаю Назаровичу, он уже безвыездно здесь жил, на даче то есть, и попросила денег – займы, конечно! – чтобы летом в Баден съездить, на водах подлечиться. А он не дал. Впервые за все годы такое случилось! Он меня отказом шокировал. Это было на него так непохоже!

– Возможно, Соковников переживал денежные затруднения?

– Я такое даже вообразить не могу! Это у него-то затруднения? Нет, что вы, он просто пожадничал. Вы обратили внимание на то, что этот его дом очень странно выглядит? Почти все комнаты, за исключением двух-трех – стоят закрытыми, а мебель вся в чехлах... Сам Николай Назарович занимал всего две-три комнаты. И эта скудость стола... это не вчера появилось, понимаете?

– Гм-м, но отчего вы не съедете, коли тут всё не по вам?

– Видите ли, я в затруднительном положении. Мой театр – а я служу в Михайловском – выехал на гастроли на три месяца, и я свою квартиру на это время сдала. А вот теперь, в связи со смертью Николая Назаровича я оказалась вынуждена гастроли прервать. Приехала, так как знала, что мне по завещанию причитается... некая сумма. Думала, всего на пару дней. А потом произошел скандал, купец этот, Куликов, сказал, что есть другое завещание. Вот и пришлось мне задержаться. А так как жить мне оказалось негде, Василий Александрович, племянник Николая Назаровича, предложил мне тут, в этом доме и пожить.

Шумилов обдумывал какое-то время слова Надежды Аркадиевны, но затем понял, что женщина, сказав много, тем не менее умудрилась не ответить на заданный вопрос.

– И всё-таки я не понял, почему вы считаете, что дело именно в жадности Николая Назаровича, а не в том, что он растерял свои деньги? – наконец, проговорил он.

– Ну, не знаю точно, – Епифанова словно бы отмахнулась от неудобного вопроса, – просто так чувствую. Не такой он был человек, чтобы деньги растратить. Конечно, тратил широко, но не по глупости, а просто из желания. Дураком никогда не был. И тратив много, прибутку получал о-го-го! Он хватко управлялся со своим хозяйством и умел деньги наживать, а не только тратить, так что не поймите превратно. А в последние годы... даже говорить неудобно... Я когда к нему в прошлом году приехала, холод стоял ужасный. Помните, в мае снег пошел? Он вышел ко мне в гостиную в цигейковой телогрейке и валенках... Я даже салоп снять не могла! Так холодно, а у него дом нетоплен, только одна печь протоплена, угадайте где?

– В спальне, поди.

– Разумеется, в собственной его спальне. Так и жил – практически весь день в спальне сидел, задершись. Там у него и кабинет был оборудован, и столовая одновременно, вы эту комнату сегодня видели. Вот там у него более или менее натоплено. Назад меня вёз управляющий, Яков Данилович. Я у него возьми и спроси – отчего дом не топлён. А он говорит – хозяин не велит, расход дров большой. Говорит, и так перебьётесь. Поверите ли? Вот как такое может уживаться в одном человеке?

«Вот уж воистину интересный зигзаг», – подумал Шумилов. – «Миллионщик, в прошлом покровитель Мельпомены, жертвователю на монастыри – и вдруг такая странная экономия на дровах. Похоже, Николай Назарович не гнушался банальным третированием прислуги, у бар известного сорта такие выходки имели популярность. Неужели миллионщик до такой сте-

пени вырос в собственных глазах, что слуг перестал за людей считать? Или дело всё же в болезненной жадности? С возрастом наблюдаются порой резкие изменения характера... Почему в кабинете оказалось найдено всего двадцать восемь рублей наличными? Ведь для повседневных трат и содержания большого дома с конюшней необходимы наличные в куда больших количествах. Может, завтра найдутся? Или всё же кто-то из прислуги обворовал миллионщика после его смерти?»

Разговор сам собою прервался. Шумилов погрузился в собственные размышления, хотя сие, возможно, выглядело не очень вежливо. Но актриса тоже как будто бы утомилась общением и разбередила душу воспоминаниями. Стало явственно холодать и даже энергичный шаг уже не спасал от по-настоящему осенней свежести.

В полном молчании Надежда Аркадиевна и Алексей Иванович вернулись в дом. Там повсюду суетилась прислуга: горничная пробежала с тазом горячей воды в направлении комнаты Василия Александровича, а в коридоре перед нею толпилось человек пять слуг. Управляющий Селивёрстов что-то им наставительно говорил, Шумилов расслышал окончание фразы, адресованной, очевидно, кучеру: «... так что возок не распрягай, возможно, вместе с доктором придётся проехать в аптеку».

Оказалось, что после ужина у Василия Александровича началась почечная колика. Пока Шумилов прогуливался по парку с Епифановой, успели послать экипаж за доктором Гессе, который откликнулся на приглашение и оперативно приехал. Пока Селивёрстов рассказывал всё это, из комнаты вышел Базаров с озабоченным выражением лица.

– Яков Данилович, доктор Гессе останется у нас на ночь, надо бы комнатку предоставить, – обратился он к управляющему.

– Конечно, предоставим, в гостевом крыле, вот как раз подле Алексея Ивановича, – Селивёрстов кивнул Шумилову. – А возок понадобится ли ещё? Ничего про то сказано не было?

– Нет, можно распрягать. Доктор какие-то лекарства привёз с собою, сказал, что более ничего другого не нужно. Сейчас Василию Яковлевичу грелки поставили в ноги и на спину, горчичник под лопатку, кровь от почки оттянулась, и ему вроде бы полегчало. Глядишь, и ночь нормально пройдёт.

– В этом деле главное не есть острого и спину не застужать, – важно провозгласила Надежда Аркадиевна.

На сказанное ею никто не обратил ни малейшего внимания, словно на скрип половицы.

Минут через пять в коридор выглянул Франц Гессе, с улыбкой сказал:

– Ну, не судьба мне от вас уехать! Найдёте для меня комнату? А то ехать мне далеко, а дома никто не ждёт: семья на даче!

– Найдём, господин доктор, не сомневайтесь, – заверил Селивёрстов.

– Я, собственно, трубку вышел покурить, – продолжал Гессе. – Кто составит мне компанию?

Шумилов вместе с Базаровым отправились проводить доктора. Алексей был даже рад, что никто более за ними на увязался, представилась возможность свободно обсудить с доктором некоторые интересовавшие его вопросы. На террасе, после того, как Гессе раскурил трубку, Шумилов осторожно поинтересовался:

– А что, Василий Александрович зело нездоров?

– Ну, как говорят доктора, здоровых людей нет вовсе, есть лишь необследованные, – иронично отозвался Гессе, видимо, он пребывал в прекрасном расположении духа. – Я знаю Василия Александровича мало, можно сказать, вовсе не знаю, но на почки, как сами изволили убедиться, он жалуется.

– Скажите, доктор, а смерть Соковникова – старшего вам показалась неожиданной?

– Хм-м-м, – Гессе озадаченно покрутил голову, – хороший вопрос, господин Шумилов, вы часом не подвязались на адвокатском поприще? Я так отвечаю: в том, что Николай Назарович

болел, я не нахожу ничего удивительного: возраст да ещё плюс сплошные негативные эмоции постоянно. Насчёт «ожидал» – «не ожидал» такой развязки... наверное, не ожидал, но смерть его считаю безусловно естественной. Потому и дал разрешение на захоронение. Если б у меня возникла хотя бы толика сомнений, то такого разрешения не было бы.

– О каких негативных эмоциях вы говорите? – поинтересовался Шумилов.

– С некоторых пор Николай Назарович стал жить очень замкнуто. Он сделался настоящим мизантропом, человеком, ненавидящим жизнь и людей. Окружающие его раздражали, понимаете? Общался он только с докторами, да своими друзьями Куликовым и Локтевым, но вовсе не потому, что был к ним искренне расположен, а так... по инерции, что ли. Сплошные раздражения – на слуг, на управляющего, на камердинера, – последовал кивок в сторону молчавшего Базарова, – наверное и на меня тоже раздражался, в каждом подозревал скрываемую неприязнь к собственной персоне, неискренность, корысть. Николай Назарович искренне считал, что к нему приходят с поздравлениями только в надежде попросить в долг, а дружбу изъясняют, дабы попользоваться его деньгами и гостеприимством. Хозяйство у него ещё пять лет назад было очень большое – на даче два дворника, конюх, садовник и огородник, птичница, две кухарки – для хозяина и челяди, управляющий, лакей вот, Владимир Викторович, – последовал новый кивок в сторону Базарова, – но лакей на положении скорее компаньона, нежели просто слуги, плюс к этому две горничные. А прибавьте сюда ещё штат прислуги в городском доме – три дворника, истопник, экономка. Представьте, каких это денег стоило!

– То есть он принялся экономить.

– Можно сказать и так. Да только это была странная экономия. До абсурда иной раз доходило: кувшин кваса для своего же потребления велел растягивал на два дня, и прислугу грубо бранил, ежели квасу не хватало. Вообще, брань Николая Назаровича в адрес прислуги я слышал неоднократно. Ежели слуга действительно где-то не досмотрел – тут просто громы и молнии метались. Как-то раз, помню, приехал – он лежит на диване в гостиной, и вид у него такой, словно вот-вот его удар хватит: лицо багровое, отёчное, вены на виске вздулись. Оказывается, это он так разволновался из-за конюха. Тот просыпал ведро овса прямо на пороге конюшни. Ведро это совсем проржавело и дно вывалилось. Ну, конюх как мог овёс-то собрал, но всё равно много его втопталось в грязь. Николай Назарович это увидел и пришел в негодование, конюх мне потом рассказал со слезами, что хозяин батогами его отходил – до такой степени вознегодовал. А по мне – да тьфу на этот дурацкий овёс, тоже мне ценность. Сколько ведро стоит? Дай Бог, если десять копеек серебром... И ладно бы, коли б Соковников копейки считал, а то ведь состояние – одно из крупнейших в России! Срам какой-то, тьфу!

– А вы не допускаете мысли, что Соковников испытывал в последние месяцы финансовые трудности?

– Ну что вы, нет!

– Почему так уверенно отвечаете? – тут же переспросил Шумилов.

Доктор неожиданно засмеялся:

– Вы благодарный слушатель, Алексей Иванович, так расспрашиваете о человеке не только вам незнакомом, но и умершем... Скоро вы будете знать Соковникова лучше, чем многие из тех, кто явился сегодня за его наследством...

Гессе примолк надолго, задумчиво пропустил пару-тройку затяжек, наслаждаясь вкусом табака. Убедившись в том, что Шумилов терпеливо ждёт ответа на заданный вопрос, заговорил:

– Видите ли, Николай Назарович мне рассказывал, как жывал в прежние времена, каким был гурманом, какое вино пил. Разумеется, самое лучшее, за ценой не стоял, вернее, просто на неё не смотрел. Осётров ему везли с Волги живыми, в специальных аквариумах, представляете, специально для Николая Назаровича! Ананасы в любое время года, померанцы, клубника... Такой человек, даже если бы потерял большую часть денег, скажем, в каких-то неудач-

ных операциях, то просто-напросто продал бы городской дом и эту громадную пустующую дачу, слишком большую для одного человека, снял бы удобную городскую квартиру, комнат, эдак, на двенадцать... поумерил бы, конечно, свои траты, но не опустил бы до ежедневного кваса с пшённой или гречневой кашей. Кто в России ест гречневую кашу? Солдаты, да каторжане! Вот вы бы как поступили? Неужели бы сели на хлеб да воду? И при этом содержали громадный городской дом и дачу, и плюс к этому – выезд и большой штат прислуги? А ещё был поразивший меня случай: года полтора назад он мне пожаловался на мозоли на пальцах рук, говорит, дайте мазь какую-нибудь или примочку – сил нет, болит зело. И знаете, отчего эти мозоли образовались?

– Знаю, купоны отрезал, – ответил Шумилов.

– О-о, я вижу, вы не теряли времени даром и многое успели узнать о Николае Назаровиче, – улыбнулся Гессе. – И в самом деле, мозоли образовались от ножниц! Купоны с облигаций внутреннего займа собственноручно отрезал, дабы в банк свезти и доход по ним получить. Он говорил, что как начинал резать купоны с самого утра, так до вечера с ними и возился, пальцы потом хоть отрубай и выбрасывай, так болели. Шутка ли, пять или семь тысяч купонов отрезать, попробуйте-ка сами на досуге!

– Да уж, работка, – согласился Шумилов. – Где б только сыскать пять или семь тысяч казначейских облигаций!

– То-то и оно, Алексей Иванович... Он не раз сетовал, что ему совестно по этим облигациям ещё и выигрыши получать. Билеты-то у него целыми сериями были закуплены, номера шли по порядку, хоть на один номер из сотни обязательно выигрыш выпадет. Были выигрыши и по пять рублей, а были и по пятьсот. Вот и подумайте, каков должен быть доход и ещё выигрыши по этим бумагам. Как же все эти миллионы можно было прожить при его образе жизни? При квасе да кашке на завтрак? Это раньше он тратился на всякие забавы – то запруды на озере устраивал и карпа зеркального разводил – но не для продажи, а так, чтоб гостей удивить; то лошадьми увлекался, скачками; то голубей разводил редких... Но всё это у него было ненадолго, всё ему быстро приедалось. Какой-то он был такой... без огонька, что ли? Всё как-то не по-настоящему. Меценатствовал, жертвовал на театр, на Валааме церковь построил, пятьдесят тысяч вложил... Мне потом рассказывал, что настоятель монастыря, игумен Дамаскин хотел у него ещё денег выпросить. А Николай Назарович возмущился, дескать, я вам что, дойная корова?

– В самом деле? – изумился Шумилов. – То есть Соковников и с монахами разругался?

– Да, представьте себе. Под конец жизни он рассорился со всеми, я же об этом вам и толкую. Думаю, тут сработала его подозрительность – он в каждом видел желающего поиметь что-то от его капиталов.

– И чем же закончилась его Валаамская история?

– В общем, обиделся Николай Назарович на настоятеля и более никогда уже на Валаам не ездил. И получилось, что увлечений у него под конец жизни никаких не осталось. Ни религиозная вера, ни меценатство – ничто в последние годы жизни уже не интересовало Соковникова. Спрашивается, куда же можно было потратить прорву валившихся на него денег? Пока что нашли у него всего двадцать восемь рублей. Честно скажу, как-то мне это кажется подозрительным. Как же это он мог жить без наличных? – доктор Гессе задумался на несколько мгновений. – Может, правда, завтра отыщутся, а то уж больно странно. Он мне за вызов меньше пятидесяти рублей никогда не давал.

3

Следующим утром – тридцатого августа 1880 года – Шумилов проснулся от топота ног людей, сновавших вверх и вниз по скрипучей лестнице в конце коридора. Насколько мог судить Алексей, по этой лестнице можно было попасть либо в мансарду, либо на чердак. Было ещё довольно рано, около семи часов, а потому казалось странным, что кто-то затеял в такое время беготню.

Несколько минут Алексей Иванович прислушивался к странной активности за дверью, наконец, услышав чью-то тяжеловесную поступь в коридоре где-то совсем рядом, быстро вскочил, натянул брюки и вышел из комнаты. Оказалось, что управляющий Селивёрстов выносил из дому свои вещи – какие-то узлы, в которых угадывались ватные лоскутные одеяла и скрученные подушки, коробки, небольшой сундучок, похожий на матросский рундук. Всё это разнокалиберное добро подавалось с чердака и выносилось через небольшую дверь в торце дома, очевидно, там стоял экипаж. В погрузке принимали участие двое слуг и Базаров. Тяжеловесная поступь, как оказалось, принадлежала самому Селивёрстову, обутому в тяжёлые окованные сапоги. Управляющий как раз прошёл мимо двери Шумилова и увидев, что тот вышел из комнаты, извинился:

– Простите, господин юрист, коли разбудил.

– Ничего страшного. Я уж подумал, не пожар ли часом? Вы никак съезжаете?

– Именно-с.

– Что так? – Шумилов действительно этому удивился.

– Барин помер, что же мне теперь тут делать? Подыщу себе новое место. Но сегодня непременно приеду, дабы узнать про новое завещание. Признаюсь, я жду толику от милостей Николая Назаровича.

– А скажите, вы присутствовали при составлении его последнего завещания?

– Д я под ним даже подписывался. Кроме меня акт засвидетельствовал доктор Гессе. Лакей... ну, то есть камердинер Владимир, – управляющий кивком указал на Базарова, – тоже там находился и все видел.

Шумилов вернулся в свою комнату, но уснуть более не смог. Поворочавшись в кровати какое-то время, решил, что пора подниматься окончательно. Без четверти восемь он вышел к завтраку, но оказалось, что поспешил и некоторое время ему пришлось провести за чтением вчерашних газет.

Постепенно собрались остальные обитатели дома. Василий Соковников выглядел подавленным и вялым, вероятно, давало себя знать давешнее недомогание. Надежда Аркадиевна, напротив, оказалась на удивление свежа и призналась, что ей отлично спалось минувшей ночью. Доктор, как и накануне, оставался равнодушно-корректным; более всего его интересовало состояние здоровья Василия Александровича.

После завтрака, прошедшего в столь же унылой обстановке, что и накануне, Надежда Аркадиевна ушла к себе, сославшись на необходимость работать над новой ролью. Повод скорее всего был надуман, но никто не сделал попытки удержать актрису, видимо, её общество никого не интересовало. Доктор сказал, что на дежурство в больницу сегодня не поедет, поскольку отпросился со службы на несколько дней; он предложил Шумилову и Василию Соковникову отправиться подышать свежим воздухом. От Алексея не укрылось, что Василий, перед тем как выйти на веранду, замотал поясницу оренбургским пуховым платком, а на плечи набросил осенний сюртук на вате. Видимо, опасался застудить почку.

Все трое вышли на террасу, и доктор раскурил трубку, совсем как вчера. Разговор касался самых общих и безобидных тем: погоды, сна, видов на урожай. Принимая во внимание, что все трое были весьма далеки от сельского хозяйства и вряд ли могли компетентно судить об осен-

ней страде, выбор последней темы объяснялся единственно тем, что никто из собеседников не желал касаться причины, собравшей их вместе. Гессе и Соковников словно бы переживали взаимное чувство неловкости, всячески обходя вопросы о наследстве и завещании. Между тем, Шумилов не сомневался, что племянник имел немало вопросов к доктору как свидетелю выражения последней воли покойного дядюшки.

Этот довольно бестолковый разговор грозил затянуться надолго, но конец ему положил приезд душеприказчика Николая Назаровича. Экипаж нотариуса Утина появился незадолго до десяти часов; Лавр Ильич, пребывавший в прекрасном настроении, едва поздоровавшись, обронил:

– Не хотел говорить вчера, но меня озадачили найденные деньги.

– В каком это смысле? – не понял Василий Соковников.

– В смысле их ничтожности. Если бы сам не видел, то ни за что бы не поверил тому, что в рабочем столе Николая Назаровича будут лежать всего двадцать восемь рублей.

– Вы знаете, Лавр Ильич, на эту странность все обратили внимание, – сказал в свою очередь Шумилов, – но почему-то говорили друг другу об этом шёпотом и как будто чего-то стеснясь. Мне непонятно только чего?

– Боялись быть превратно понятыми. Вроде как корыстный интерес прятали, – заметил осторожно доктор.

– Помилуй, Господи, а чего его прятать-то? – удивился Шумилов. – Давайте называть вещи своими именами. Каждый из нас присутствует здесь именно потому, что имеет в этом деле свой корыстный интерес. В конце концов, мы же явились сюда не затем, чтобы гербарий собирать в парке Земледельческого института.

Немногим позже появились друзья покойного миллионера – купцы Куликов и Локтев, неуловимо похожие друг на друга, точно родные братья, с окладистыми бородами, в сюртуках одного кроя, осанистые, преисполненные чувства собственного достоинства, малоразговорчивые. Затем приехал пристав с теми же самыми полицейскими, что и давеча. Буквально минутой после него – иеромонах столичного подворья Валаамского монастыря Никодим. Последним явился управляющий Селиверстов. Он выглядел очень встревоженным – видать беспокоился, что опоздает к продолжению осмотра. Но, разобравшись, что полицейский пристав только что явился, успокоился, глаза повеселели и он, приосанившись, присоединился к остальным.

Полицейские, не мешкая, продолжили осмотр вещей. Начали с платяного шкафа. Одежды у покойного оказалось не очень много. Добротная бобровая шуба, лисья шапка, дорогое тонкое бельё. Шумилов мысленно отметил несколько изящных атласных жилетов и шейных платков, видимо, Николай Назарович когда-то любил щегольнуть, но все они выглядели достаточно старыми, лежалыми. Нетрудно было заметить, что новых вещей в шкафу нет.

Полицейские дотошно переписали содержимое платяного шкафа и занялись туалетным столиком. Там оказалось множество разнокалиберных скляночек, баночек, притираний и кремов. Дорогие французские духи оказались семилетней давности и когда пристав открыл пробку, по спальне сразу же распротранился неприятный резкий запах.

– Первый раз вижу разложившуюся парфюмерию! – поразился полицейский секретарь и покачал осуждающе головой. Он выглядел искренне возмущённым тем, что кто-то потратился на дорогой одеколон и дал ему пропасть.

– Соковников не пользовался этим одеколоном уже очень давно, – пояснил Утин. – Считал, что не его запах.

Зато множество кремов имели такой вид, что ясно стало без лишних разъяснений – ими пользовались постоянно. Убедившись в том, что пристав куда долго ещё будет подробно описывать каждую мелочь из туалетного шкафчика, и что никаких признаков завещания или других бумаг нет, Шумилов вышел в соседнюю комнату и поинтересовался у Базарова происхождением кремов.

– Хозяин раньше очень переживал по поводу своей внешности, – принялся шёпотом пояснять лакей. – Лицо, дескать, одутловатое, и всё такое. Он много времени уделял массажам и всякого рода процедурам для кожи. Это для того, значит, чтобы придать себе обыкновенный вид, как у всех людей. Я так думаю, мужественности себе добирал. А потом у него стали болеть руки, и Яков Данилович буквально с первого же дня, как появился в доме, постоянно натирал Николая Назаровича мазями и кремами.

– Это почему ещё? – удивился Шумилов.

– Это потому, что у Якова Даниловича «рука легкая».

– Наверное, очень доверял Якову Даниловичу? – предположил Шумилов.

Базаров неожиданно хитро сощурился и недобро хмыкнул:

– Как бы не так. Буквально за четыре дня до смерти называл его «анафемой» и «разбойником», говорил, что Селивёрстов как пришел к нему без штанов, так без штанов и уйдёт... Бедным, как церковная мышь.

– Отчего так?

Владимир Викторович в ответ только развёл руками и поднял глаза к потолку, давая понять, что сказанное Соковниковым никак не могло поддаваться человеческому пониманию. Шумилов в который уже раз при общении с Базаровым ощутил вдруг неожиданную и странную неловкость; прежде он не мог бы толком определить, что же именно его смущало, но теперь нужное слово вдруг само пришло на ум: артистизм. Да, именно артистизм, столь несвойственный человеку простого звания и происхождения. Из уст лакея странно было слышать выражение «бедный, как церковная мышь»; простолюдин сказал бы «гол как сокол». Были и другие мимолётные чёточки в поведении Базарова, – то ли доля некоей нарочитости в изъяснении своих чувств, то ли бросившаяся в глаза театральность жестов, то ли чрезмерная елейная кротость, сквозившая иной раз во всей его съезженной фигуре... Все это до поры не влекло за собою никакого конкретного вывода, но теперь, в свете сделанного Шумиловым наблюдения, казалось не то чтобы подозрительным, но настораживающим.

Озадаченный своим неожиданным открытием, Алексей вернулся в спальню Соковникова, где принялся терпеливо дожидаться, пока полицейские закончат описывать содержимое туалетного шкафика.

Затем настала очередь комода, который стоял рядом с кроватью. На нём лежала забытая связка ключей на большом, не менее двух вершков в диаметре, кольце. 2 вершка – это 9 см. – прим. А. Ракитина\ Ключей на кольце оказалось немало, никак не меньше дюжины.

– Что это за ключи? – взяв связку в руки, обратился к управляющему пристав.

– По хозяйству: от всех амбаров, кладовых, погребов во дворе... от ледника... от винного подвала под домом... ну и от шкафов в доме. Хозяин сам любил распоряжаться, до всего, так сказать, сам доходил, – обстоятельно объяснил Селивёрстов.

– От комода где ключ?

– На связке, что у вас в руках, – ответил управляющий.

Пристав действительно отыскал на связке ключ, которым и отпер комод. В нижней его части находился большой кованый железный ларец с навесным замком, на вид очень массивный, прочный и старый. Его поставили на пол, оказалось, что тяжести он необыкновенной, будто ртутью налитый. Ключа при нём не оказалось.

– Ну, и где же от него ключ? – спросил пристав, неудачно попробовав двинуть ларец ногой; тот стоял, точно влитой.

Поскольку Селивёрстов не ответил, пристав принялся примеривать ключи из связки. Ни один из них не подошел. Все присутствующие в недоумении воззрились на ларец.

– Может быть, нужен тот ключ, что Николай Назарович носил на шее на шнурке? – неожиданно подал голос Базаров. – Хозяин какой-то ключ держал постоянно при себе.

– Ага, стало быть, существовал ещё один ключ, – сделал вывод пристав. – Куда же он делся?

– Когда доктор распорядился тело обмыть и приготовить к погребению, ключ, должно быть, горничная сняла.

Немедля позвали горничную. В спальню явилась немолодая, рано состарившаяся женщина лет, эдак, под сорок, та самая, что обслуживала гостей за столом. Назвалась Прасковьей Колчиной, припомнила, что во время обмывания тела покойного Соковникова действительно сняла с его шеи шнурок с ключом, который вместе с нательным крестом умершего был ею убран в шкатулку. Шкатулка же, по её словам, поставлена в гостиной на каминную полку. Пристав отправил женщину в гостиную, и буквально через пару минут та принесла шкатулку, в которой оказался и нательный крест с изумрудами, и золотая цепочка, и ключ на толстом кожаном шнурке.

Пристав распорядился внести в протокол найденные вещи, на это ушли ещё минута-две, и, наконец, подступил с ключом к ларцу. Невысказанные вслух надежды присутствующих оправдались, ключ действительно подошёл к замку.

Внутренность ларца оказалась разделённой на несколько крупных отделений, в каждом из которых без труда можно было бы уложить толстую книгу. После изучения содержимого всех отделений, выяснилось, что Николай Назарович хранил в этом своеобразном сейфе три векселя, выписанные купцом Савиным, на общую сумму в пятьдесят тысяч рублей, две расписки в получении двадцати тысяч рублей от имени купца первой гильдии Овчинникова, а также расписку Василия Локтева в получении последним семи тысяч рублей. Все эти долговые бумаги невозможно было пока предъявить к оплате, поскольку срок их погашения покуда не подошёл. По векселям Савина он наступал только через полгода, 12 января 1881 года; по распискам Овчинникова и Локтева – 27 октября 1880 и 1 марта 1881 года соответственно. Кроме долговых бумаг в ларце оказались три листа белой плотной бумаги, исписанные необычным, витиеватым, классическим почерком – это-то и было то самое последнее завещание Николая Назаровича Соковникова, поисками коего полиция занималась уже два дня.

К моменту открытия нового завещания, а случилось это незадолго до полудня, в дом Соковникова уже приехали и актриса Тамара Платоновна Смирнитская, и капельмейстер Императорских театров Лядов.

К тому моменту, когда пристав принялся читать найденный документ, присутствовавшие явно затрепетали: начались нервные смешки, в руках у соискателей наследства появились блокноты и карандаши, каждый намеревался дословно зафиксировать оглашённую формулировку. Солидные и степенные до того люди вдруг занервничали точно школяры на вступительных экзаменах – именно такое сравнение пришло на ум Шумилову, отстранённо наблюдавшему за разворачивавшейся на его глазах человеческой комедией, достойной балзаковского пера. Спокойным оставался один только валаамский иеромонах Никодим. Алексей заметил, что он сильно тяготился всей этой процедурой и, должно быть, жалел о потраченном на неё времени.

Пристав отдал распоряжение секретарю записать в протокол существенные детали завещания, которое сам же взялся читать, сопровождая чтение необходимыми пояснениями.

– Документ, озаглавленный «завещание», хранился в большом запечатанном конверте серой бумаги. Датирован мая семнадцатым числом 1880 года от Рождества Христова, – важно диктовал пристав, словно бы не замечая, как изнывали от нетерпения присутствующие. – В качестве свидетелей, удостоверяющих личность завещателя, поименованы... Почётный гражданин доктор Гессе и... управляющий имуществом Селивётстов. Домашнее завещание исполнено собственноручно господином Соковниковым. Итак, далее по тексту: «Сознавая бренность всего сущего и тяжесть довлеющих надо мною немощей, скорбей и болезней, но оставаясь в твёрдом уме и памяти, на случай своей смерти спешу распорядиться имею-

щимся у меня имуществом следующим образом. Всё оставшееся после меня движимое, недвижимое имущество, а тако же отдельно поименованные ценности надлежит разделить следующим образом»...

Пристав сделал паузу, поднял глаза на секретаря, как бы проверяя, успевает ли тот записывать. Шумилов не сомневался, что полицейский просто куражится над соискателями наследства, сгрудившимися в дверях с карандашами наперевес.

– «... племяннику моему Соковникову Василию Александровичу – дом в Санкт-Петербурге на Вознесенском проспекте, со всею обстановкой, – важно провозгласил пристав, вернувшись к чтению завещания, – и к этому – дачу в Лесном так же с обстановкой и с хозяйственными пристройками, утварью, лошадьми и всею домашнею живностью. Всё остальное имущество, помимо особо поименованных вещей, завещаю обратить в деньги и разделить следующим образом: доктору Францу Гессе, пользовавшему меня на протяжении последних лет, когда я тяжело стал страдать, семнадцать тысяч рублей серебром... Моему надёжному другу, терпевшему меня столько лет, купцу Куликову Матвею Матвеевичу, двадцать тысяч рублей серебром... Моему другу купцу Локтеву Фёдору Ивановичу также двадцать тысяч рублей серебром... Его дочерям, моим крестницам, Анне и Ангелине, – по пяти тысяч рублей серебром каждой... Им же завещаю шкатулки: Анне – из белого золота с вензелем «А», Ангелине – малахитовую с платиновой инкрустацией и также с вензелем «А».

Когда пристав делал паузы, в комнате повисала звенящая тишина.

– Значит, разделил гарнитур... – неожиданно вырвалось у г-жи Смирнитской.

Эти горько-досадливые слова, произнесенные актрисой себе под нос, прозвучали неожиданно отчётливо.

Очевидно, актриса прекрасно знала, о каких шкатулках шла речь в завещании. Решение Соковникова отдать шкатулки крестницам вызвало раздражение Смирнитской, которое она не смогла скрыть. Пристав только глянул на актрису и продолжил чтение:

– «Управляющему моим хозяйством, Селивёрстову Якову Даниловичу оставляю семь тысяч рублей серебром. Он немало от меня терпел, так пусть же простит меня. Служащему у меня Базарову Владимиру Викторовичу надлежит отдать пятьдесят тысяч рублей серебром. Он работает у меня дольше прочих, за то ему и награда особая, – пристав глянул на своего секретаря, проверяя, успевает ли тот писать. – Валаамскому монастырю, кто бы ни был его настоятелем на момент моей кончины, надлежит отдать десять тысяч рублей серебром. Кроме этого, завещаю племяннику моему Василию особо оплатить сорок литургий, которые надлежит отслужить по мне на Валааме. О вечном поминании души моей до тех самых времён, пока стоять будет Валаамская обитель, я договорился с настоятелем отцом Иоанном Дамаскиным в бытность мою там. Дворникам Алимпиеву Кузьме, Драгомилову Евсею, Фролову Потапу – по сто рублей серебром каждому. Горничным Листьевой Степаниде и Колчиной Прасковье – по восьмидесяти рублей серебром. Садовникам Щапову Петру и Ельникову Агапу – по пятидесяти рублей серебром и всю мою одежду, кроме бобровой шубы. Конюху Алтуфьеву Архипу – шиш с маслом за нерадивость, глупость и злой язык. Истопнику Гранушкину Семёну – пятьдесят рублей серебром и сапоги яловые. Птичнице Семеньяке Фекле двадцать рублей серебром и штуку ситца из кладовой».

Пристав опять прервался, дабы перевести дыхание, но молчание его превратно истолковал Лядов, обратившийся к окружающим:

– Это что же, всю прислугу, значит, назвал, а о нас позабыл?

– Подождите вы, – остановил капельмейстера полицейский, – я ещё не закончил. Продолжим-с: «Оставшуюся сумму разделить на следующие доли: подворью Валаамского монастыря в Санкт-Петербурге – двадцать пять процентов в денежном выражении и икону Николая Чудотворца в драгоценном окладе. Актрисам Александринского Императорского театра Смирнитской Тамаре Платоновне и Михайловского театра Епифановой Надежде Аркадиевне –

по двадцать процентов оставшихся денег, хотя по совести, ни та, ни другая не заслужили сего. Однако, пусть они получают эти деньги, дабы воочию доказать всему свету, что не всякая кость застрёт в жадной глотке».

– Что-о-о??? – выдохнули обе дамы. Отреагировали они спонтанно и при этом совершенно одинаково, что со стороны выглядело довольно забавно. Только потом Тамара Платоновна быстро справилась с первым шоком, а Надежда Аркадиевна так и застыла с выражением полного ошеломления на лице, ее шея и открытая декольте часть груди стремительно начали покрываться малиновыми пятнами.

– Ну да, так и написано, – пристав сам остолбенел от прочитанного и, покосившись на секретаря, добавил, – Ты это, конечно, не пиши, указывай только цифры, а то... завещатель-то шутником оказался! Дальше читаю, так: «капельмейстеру Императорских театров Лядову Антону Антоновичу отдать пяти процентов вырученных денег». Гм, так в тексте, завещатель, похоже, с падежами напортачил. «Сему мясоеду Лядову хватит столько, и то много будет»... Это тоже писать не надо, – приказал пристав секретарю. – «Нотариусу Утину Лавру Ильичу – двадцать процентов и моему многолетнему биржевому маклеру, Бесценному Филиппу Андреевичу, за толковую службу – десять процентов».

На третьем листе завещания оказались весьма пространные рассуждения автора о смысле жизни, справедливости и воздаянии и о том, что Соковников своей последней волей, не желая кого-то обидеть, старался рассчитаться с каждым, перед кем чувствовал какую-либо нравственную ответственность. Далее шли подписи как самого завещателя, так и свидетелей, удостоверявших его личность, а именно доктора Франца Гессе, управляющего Якова Селивёрстова и лакея Владимира Базарова.

После прочтения документа в помещении на некоторое время воцарилась напряжённая тишина. Присутствовавшим на осмысление услышанного явно требовалось какое-то время. Вдруг послышался звенящий, как натянутая струна, голос г-жи Епифановой:

– Я так и не поняла, двадцать процентов – это больше или меньше, чем те пять тысяч, которые мне предназначались по старому завещанию?

Не подлежало сомнению, что дама пребывала в состоянии крайне взволнованном.

И тут всех словно прорвало; присутствовавшие заговорили разом, не слушая друг друга. Шумилов увидел побледневшее лицо племянника, что-то требовательно доказывавшего приставу; Лядов принялся вытирать лысину платком, негодуя бормоча себе под нос нелестные эпитеты в адрес покойного миллионера; купцы Локтев и Куликов казались довольны и открыто улыбались, лишь усиливая недовольство прочих; обе актрисы почему-то бросились к доктору Гессе, намереваясь что-то выяснить, но слов было не разобрать. Лишь один монах Никодим сидел нахмурившись, опустив глаза в пол, точно увидел нечто необыкновенно интересное на носках своих старых сапог с обрезанными голенищами. В толпе присутствовавшей здесь же прислуги стоял такой же гул голосов.

Нотариус Утин, выждал паузу, переглянулся несколько раз с Шумиловым и, пообеда всех взглядом, громко хлопнул в ладоши, привлекая внимание:

– Господа, по вашей реакции я вижу, что последняя воля Николая Назаровича вызвала определённое недоумение...

– Уж не то слово, господин нотариус, – с вибрацией в голосе моментально отозвалась г-жа Смирнитская, – я чувствую себя просто-напросто обворованной!

– Простите, уважаемая, но я никак не могу согласиться с такой оценкой.

– Вы не можете, да? Позвольте уточнить, сколько получили вы? – наступательно и скоро вновь заговорила актриса; поскольку нотариус не ответил, она оборотилась к прочим присутствующим. – Господа, кто-нибудь записывал подряд? Можете сказать, сколько получил наш дорогой нотариус?

– Не надо лезть в мой карман и считать там деньги, – парировал нотариус.

– Карман, говорите, да? А то, что из карманов других людей – моего, или, скажем, Надежды Аркадиевны – деньги вытащены, сие вас никак не беспокоит?!

– Из вашего кармана, госпожа Смирнитская, ничего не вытащено, потому как туда пока ещё ничего не положено, – с невозмутимой корректностью отозвался Утин. – Деньги принадлежали покойному Николаю Назаровичу, и на то, как ими распорядиться, он имел полное право не спрашивать ничего – в том числе и вашего! – мнения.

– Ах вот оно что! – понижая голос до свистящего шепота, отчего впечатление сдерживаемого негодования только усилилось, продолжала дама. – Вам, господин нотариус, видимо, дали самый сладкий пирожок! Скажет мне кто-нибудь, сколько отвалилось господину Утину от щедрот Николая Назаровича?! – повторила свой вопрос актриса, обводя присутствующих горящим взглядом.

– Я записывал всё дословно! – поспешил вмешаться Лядов. – Господину Утину причитается двадцать процентов от всех денег, что останутся после безусловных выплат, твёрдо зафиксированных в рублях.

– Тоже двадцать??? – она на миг замолчала. – Вот видите, дорогой господин Утин, вас, кажется, тоже обобрали!

– Позвольте, кто же это меня обобрал?

– Наш дражайший Николай Назарыч!

– Извините, не могу с вами согласиться. У меня невозможно украсть то, чем я не владел. Николай Назарович никак не мог украсть у меня то, что принадлежало ему же самому.

– Дорогой Лавр Ильич, – капельмейстер довольно бесцеремонно оттеснил Тамару Платоновну, стоявшую у него на пути, и шагнул к нотариусу. – Не находите ли вы странным самый принцип построения завещания? Почему часть выплат названа в неких фиксированных суммах, а часть – в процентах от остатка? Стало быть, есть то, что подлежит безусловному выполнению, а есть – иное, необязательное? Разве сие возможно с точки зрения закона?

– Антон Антонович, завещатель вправе придать своей последней воле тот вид, который более полно отвечает его замыслу. Он может указывать денежные суммы как в рублях, так и в процентах...

– Но как же может завещатель... – начал было Лядов, но его неожиданно перебил явно чем-то взволнованный доктор.

– Я хотел бы сделать важное, как мне кажется, заявление. Извините, если перебиваю... – глаза Гессе перебегали с одного лица на другое, ни на ком не задерживаясь. – Дело заключается в том, что я присутствовал при самом акте составления сего завещания покойным Николаем Назаровичем. Прежде чем пригласить нас – то есть господина Селивёрстова и меня – поставить наши подписи, он прочитал текст вслух. И, как мне сейчас кажется, тогда в этом завещании фигурировали совсем другие цифры.

– Па-а-а-звольте! – прорезался голос молчавшего до того пристава, – Что значит «другие»?

– Например, мне помнится, что господину Куликову было завещано как будто бы восемнадцать тысяч рублей, а лакею Базарову – пять тысяч. Сумм в двадцать тысяч, а уж тем более в пятьдесят тысяч, тогда вообще не звучало.

Повисла тяжёлая тишина. Каждый из присутствовавших задумался над услышанным.

– Так что же вы хотите сказать? – спросил пристав.

Благородный доктор только развёл руками и беспомощно огляделся по сторонам. Он наткнулся на испепеляющий взгляд купца Куликова и только теперь догадался, что своею репликой, возможно, задел чужие интересы.

– Я допускаю неуместность моего замечания, – пробормотал Гессе, – и то, что кому-то может не понравиться сказанное, но... я говорю, что помню!

– Господин Селивёрстов, вы что скажете? – пристав оборотился к управляющему.

– Я не знаю, зачем уважаемый доктор начинает нас путать! – важно провозгласил Яков Данилович. – По-моему, всё так и было. Именно такие цифры мне и запомнились.

– И я в свою очередь могу добавить, что Николай Назарович рассказывал мне о завещании именно двадцати тысяч рублей, – тут же поддакнул Куликов. – Так оно и вышло!

– Господин Гессе, подойдите, пожалуйста, ко мне, – попросил доктора пристав. – Посмотрите на третий лист завещания. Вы узнаете свою подпись?

Гессе приблизился к полицейскому, придирчиво изучил показанный ему лист и после долгой паузы пробормотал:

– Да, моя.

Выглядел он в эту секунду несколько растерянным.

– Посмотрите на текст выше, поглядите на то, как исписаны предыдущие страницы, – продолжал пристав. – А теперь скажите, вы узнаете руку покойного?

– Ну да, рука Соковникова.

– Вам не кажется, что почерк как-то изменён или несколько отличен от его обычной манеры письма?

– Нет, вроде бы... Это почерк, присущий Николаю Назаровичу.

– Ну, а вы, господин Селивёрстов, – обратился к управляющему пристав, – свою подпись сможете узнать?

Селивёрстов подошёл широким шагом, глянул на лист безо всяких эмоций:

– Моя рука! Чего там смотреть-то?! И почерк хозяина узнаю, однозначно его рука ходила! Вы подлог, что ли, подозреваете? Смешно даже!

– Так, теперь вы, Базаров, – подозвал лакея пристав, – Что можете сказать о своей подписи?

– Моя-с, моя безусловно, – закивал Владимир Викторович, – Уж и не знаю, для чего тут тень на плетень наводить. Всё есть, как было!

– Это что же получается?! – неожиданно взвилась актриса Епифанова. – Всё неверно, всё не сходится! Вон доктор сказал, что завещание не соответствует... Что вы его дураком выставляете?!

Глаза её горели огнём, а негодующий голос дрожал, лицо и открытая шея пошли огромными малиновыми пятнами. Не вызывало сомнений, что актриса близка к истерике.

– Помилуй Бог, вы это об чём толкуете? – изумился пристав.

– Мне Николай Назарович обещал совсем другое! Он был хозяин своего слова! Он не мог так со мною поступить...

Пристав сразу же понял, к чему клонит актриса, и только пренебрежительно махнул рукою, давая понять, что не намерен слушать бессодержательную демагогию. Повернувшись к секретарю, громко произнёс:

– Внесите в протокол, что поименованные в завещании свидетели при предъявлении им сего документа свои подписи под ним опознали.

– Это что же получается... то завещание, что вскрывали у нотариуса Утина теперь отменено? – воскликнула Епифанова, которая никак не могла успокоиться.

– Уважаемая Надежда Аркадиевна, по отечественному наследственному праву именно ныне найденный документ имеет силу последней воли, – негромко ответил ей Шумилов. – Другими словами, каждое последующее завещание отменяет предыдущее. Поскольку открытое ныне завещание составлено в соответствии с правилами, для его отвода оснований не существует.

– Это как это «не существует»? А может, он умом тогда подвинулся? А что, если у него в последние месяцы начинались разные задвиги в голове?

– Под завещанием подписываются лица, призванные свидетельствовать о состоянии автора, – принялся спокойно разьяснять Шумилов. – Свои предположения о недееспособно-

сти Николая Назаровича Соковникова вы вправе обсудить с ними. Кстати, один из них как раз являлся его лечащим врачом. О лучшем свидетеле и мечтать не приходится. Полагаю, господин Гессе специально был приглашён завещателем на тот случай, если придётся свидетельствовать в суде о состоянии его умственных способностей.

Поскольку уже минул час пополудни, Василий Соковников предложил всем желающим отобедать. Впрочем, возможно это предложение преследовало цель разрядить обстановку и снять раздражение тех гостей, кто остался недоволен открытым завещанием. Пристав с двумя своими подчинёнными с удовольствием отправился к столу, но за ними последовали далеко не все: купцы Локтев и Куликов обратились к душеприказчику Утину с разъяснением порядка вступления в права наследования, после чего уехали в одной коляске. Уехала и Смирнитская, негодующая и раздражённая, ставшая очень похожей на шипящую в гневе кошку.

Надежда Аркадиевна Епифанова сидела в столовой с видом умирающего лебедя, демонстрируя томными вздохами и закатыванием глаз до какой степени плохо себя чувствует. Её страдания не произвели на присутствующих ни малейшего впечатления, кто хотел есть, тот сделал это с аппетитом. Общий разговор за столом так и не сложился, хотя Лядов несколько раз высказался в том духе, что ему непонятно, отчего это Николай Назарович не написал в последнем завещании, сколько у него сбережений в деньгах, на банковских вкладах, и не перечислил каждую ценную мелочь, как он это сделал в предыдущем завещании. Никто не поддержал попыток капельмейстера порассуждать о содержании найденного завещания, видимо, не желая портить себе аппетит неминуемой склокой.

После обеда пристав снова отправился на часок в одну из гостевых комнат, чтобы отдохнуть от трудов праведных.

Осмотр опечатанных помещений продолжился в три пополудни. Со спальней покойного миллионера покончено было очень скоро, фактически там оставалось осмотреть одну только кровать, а на это не могло уйти много времени.

Далее осмотр переместился в просторную комнату, вычурно именовавшуюся «каминным залом», с громадным, выше человеческого роста камином, в котором, пожалуй, без труда можно было зажарить кабанью тушу. Интерьер помещения, выдержанный в староанглийском стиле, имитировал обстановку средневекового замка: тут находились многочисленные охотничьи трофеи и разнообразное оружие, преимущественно холодное. Принимая во внимание, что хозяин дома охотой никогда не интересовался, такой антураж произвёл на Шумилова двойственное впечатление. С одной стороны, подобное украшательство выглядело совершенно неуместным, а с другой – вызывало вздох облегчения, поскольку мебели в зале оказалось сравнительно мало, а значит, осмотр не затянется надолго. Кроме громадного стола – персон на сорок, не менее – и выставленных вдоль него кресел с жёсткими спинками, в гостиной находились лишь три резных сундука в простенках между окнами. В двух из них оказалась разнообразная столовая утварь – посуда, скатерти, кипы наглаженных салфеток, а в третьем – стопы пожелтевших газет за разные годы. К чести пристава следовало отнести ту дотошность, с которой он просмотрел и внёс в протокол содержимое сундуков, но ничего особенно ценного в них не оказалось: ни казначейских облигаций, ни наличных денег, ни предметов роскоши – ровным счётом ничего!

Следующим помещением, подвергнувшимся осмотру, оказалась бильярдная. Очевидно, эта комната также принадлежала к числу парадных: богато декорированная, с раззолоченной лепниной и шёлковыми обоями, в иные дни она, видимо, выглядела нарядно и даже роскошно. Однако, не вызывало сомнений, что с некоторых пор хозяин дома охладил к бильярду: дверцы шкафов с принадлежностями для игры рассохлись и предательски скрипели, толстые бархатные гардины с вытканными лилиями оказались в некоторых местах попорчены молью, на подоконниках толстым слоем лежала пыль. Личных предметов хозяина в комнате практически не оказалось. Менее чем за час пристав самым придирчивым образом осмотрел все имевши-

еся в бильярдной шкафы и сундуки, не нашёл в них ничего ценного, после чего обратился к племяннику покойного:

– Василий Александрович, вам как лицу, наследующему сей дом, считаю своим долгом сообщить, что результаты проведённого осмотра нахожу весьма странными. После смерти вашего дяди мною были опечатаны три комнаты, бывшие, по словам прислуги, его личными покоями. При осмотре этих трёх комнат вы присутствовали от начала до конца. Вы убедились, что результатом одного осмотра явилось обнаружение двадцати восьми рублей; никаких иных ценностей найдено не было. Но невозможно предположить, что найденные двадцать восемь рублей – это единственные наличные деньги, бывшие в распоряжении столь богатого человека как Николай Назарович Соковников. Не удалось установить нахождение ценных предметов, поименованных в завещании покойного, прежде всего иконы Святого Николая Чудотворца в драгоценном окладе. Возможно, эти предметы находятся где-то в доме, но обыск дома не является задачей настоящих действий полиции. Вы понимаете меня?

Пристав смотрел на племянника строго и многозначительно, словно хотел, чтобы тот понял много более того, что было произнесено вслух. Василий как будто бы не сразу понял полицейского; какое-то время он озадаченно глядел тому в глаза, затем растерянно пробормотал:

– Вы хотите сказать, что... что... чего-то нет на месте?

– Именно, Василий Александрович! Так как по найденным вексям и распискам не наступил ещё срок обращения ко взысканию, то получается, что ваш дядюшка-богач проживал, в буквальном смысле, последнюю копейку! Он рисковал остаться совершенно без необходимых для ежедневных расходов средств, если бы...

– ...если бы?

– Если бы не поспешил умереть. Его смерть оказалась весьма своевременна, не находите?

– Я же говорю, что дело нечисто! – взвилась Епифанова. – Посмотрите, ни одной облигации! ни одной золотой монетки! Вы можете себе представить, чтобы у Николая Назаровича в кошельке лежало менее тысячи? А тут в личных вещах шаром покати!

– Уймись, сударыня, – раздражённо осадил актрису пристав. – Ваших только умозаклучений нам не хватало.

– Он купоны отрезал до кровавых мозолей! – Епифанова проигнорировала обращённые к ней слова полицейского. – Где те облигации, которым он купоны отрезал? Покажите хоть одну!

– Цыц! – рявкнул пристав. – Я сейчас прикажу вас выставить! Истерик только мне здесь не хватало!

В бильярдной повисло тяжёлое молчание.

– Что же делать? – не выдержал томительной тишины Василий Соковников.

– Я полагаю, сударь, имела место кража. Случилось ли сие перед смертью Николая Назаровича или после неё – решать не мне. Но я полагаю своим долгом известить о сём сыскную полицию.

– Да-да, понимаю...

– . Попрошу понятых поставить свои подписи под протоколом, составление коего они наблюдали два дня. Засим позвольте откланяться.

Присутствующие поёжились, переглянулись. Каждый невольно подумал о том, каким боком его притянут к расследованию. Шумилов подписал полицейский документ и подошёл к Базарову.

– Владимир Викторович, задачу свою я почитаю исполненной. Хотя, признаюсь, не думаю, что чем-то действительно вам помог, но...

– Помогли, помогли, – замахал руками камердинер. – Вы же видите сами, как актриски на арапа всех брали! Меня бы они вообще в пыль стёрли, попытайся я им хоть слово сказать! Спасибо вам, идёте, я вручу вам ваш гонорар.

Они покинули бильярдную, но направились не в комнату Базарова, а на террасу, где камердинер вытащил заранее подготовленные пятьдесят рублей и воровато, дабы никто не увидел, сунул их в руку Алексея Ивановича.

– Неприятно, конечно, что господин пристав полицию привлечёт, – вздохнул Базаров. – Э-хе-хе, как-то всё это... – он сокрушенно посмотрел на Шумилова. – Ну да что ж, совесть моя чиста! Это не моя рука ходила по вещам покойного Николая Назаровича... Кто обворовал, пусть теперь думает, как выкручиваться будет.

Последняя фраза прозвучала довольно желчно, и Шумилов подумал, что камердинер имеет в виду вполне конкретного человека. Базаров, видимо, и сам понял, что высказался слишком уж откровенно, поэтому тут же попытался увести разговор в сторону:

– Я так понимаю, что поскольку денег в доме не нашли, вопрос с получением мною завещанных пятидесяти тысяч становится несколько проблематичным...

– Да, вам придётся подождать, пока имущество будет обращено в деньги. Либо пока Василий Соковников отыщет наличные деньги, чтобы рассчитаться с вами без продажи недвижимости. В любом случае, вам надлежит по этому поводу обращаться к душеприказчику, нотариусу Утину, ведь именно ему Николай Назарович доверил проконтролировать точность выполнения своей последней воли.

– Я, пожалуй, пойду, распоряжусь насчёт возка для вас.

– Одну минуточку, Владимир Викторович...

– Да?

– Дело, конечно, не моё, но... если вам известно лицо, обворовавшее покойника, обязательно сообщите об этом агенту сыскной полиции. Закон не проводит границы между воровством у живого человека и умершего, в обоих случаях это уголовное преступление.

– Да, разумеется, – озабоченно пробормотал Базаров.

Лакей умершего миллионера отправился в каретный сарай, а Шумилов остался стоять на террасе, наслаждаясь лучами закатного солнца и вдыхая приятный, бодрящий аромат соснового леса. За спиной у него послышались шаги, и на террасу вышел Василий Соковников.

– Вот вы где, Алексей Иванович, а я уж боялся, что не застаю вас, – проговорил он с улыбкой. – Мне кажется, выбор Базарова оказался удачен.

– Вы это о чём? – не понял Шумилов.

– Я имею в виду ваше приглашение. Я заинтересовался о вас у нотариуса Утина: оказывается, вы весьма известный в городе человек.

– Только в очень узких кругах. И известность моя весьма специфического свойства.

– Я просил бы вас задержаться ещё на некоторое время. Вы показались мне компетентным юристом и думающим человеком, я бы очень хотел, чтобы рядом со мною был знаток юридических тонкостей. Кроме того, я – человек в столице чужой, никаких входов-выходов не знаю, одно слово – провинциал. Наконец, есть ещё один весьма важный нюанс, в котором мне, возможно, потребуется дельный совет...

– Что за нюанс?

Василий Соковников вздохнул и огляделся по сторонам, словно проверяя, не слышит ли его кто-то ещё:

– У меня была встреча... ко мне приезжал человек... скопец... назвал себя представителем столичного скопческого «корабля»... говорил от имени «кормчего»... сказал, что ежели я желаю принять наследство Николая Назаровича, то мне придётся выплатить им «отступные».

– Вот это да! – Шумилов даже опешил от услышанного. – Неужели они решились на такую наглость?

– Представьте себе. Он много чего наговорил. Сказал, будто Николай Назарович тоже выплатил им отступные при вступлении в права наследования, миллион рублей, якобы... Разговор получился такой... нешуточный, знаете ли. Я понял, что передо мной серьёзная сила; ударить табуреткой по голове и выбросить наглеца в окно – такой вариант здесь не пройдёт.

– Ну да, ну да... На всех скопцов табуреток не хватит! Чего же именно этот самый «гонец» хотел?

– Ничего конкретного не сказал. Объявил, что размер «отступных» будет определён после того, как станет известна доля имущества Николая Назаровича, отошедшая мне. Сегодня завешание было открыто, так что, полагаю, скоро появится ещё один «гонец».

– Оч-чень интересно! Не думал я, что такие варианты возможны в Российской Империи, честное слово... у нас ведь не Сицилия какая-то, не Северо-Американские Соединённые Штаты, где правят разного рода эмигранты-маргиналы, у нас – традиция многовековой власти и порядка, – пробормотал Шумилов. – Они что же, всерьёз рассчитывают вас запугать? Чтобы вы им миллион отдали?

– В общем-то, он даже и не запугивал. «Гонец» этот очень всё убедительно разложил, объяснил, почему надо отдать им. Он вовсе неглупый человек, уверяю вас.

– Ну, разумеется, я и не подумал, что на переговоры к вам скопцы отправили глупого человека. Очень интересно, как Николай Назарович разобрался с ними?

– «Гонец» уверял, что дядя принял их условия и выплатил миллион.

– Враньё, не поверю в это. Хотя, – Шумилов запнулся, – может, я сужу, исходя из собственного темперамента? Я бы не принял подобного требования, ни копейки бы не дал! Для меня подобная выплата означала бы потерю лица и самоуважения. Ладно, Василий Александрович, пошушаем вблизи ваших «гонцов». Что это за чёртики такие из табакерки...

– Ваши условия? – полюбопытствовал Соковников и, перехватив недоумённый взгляд Шумилова, пояснил. – Какой вы желаете гонорар?

– Ах, это... Двадцать пять рублей в сутки.

– Может быть, какой-то единовременный «аккорд» по окончании?

– «Аккорд» по окончании? – переспросил Шумилов. – Это сугубо на ваше усмотрение. Ещё не ясно, чем вообще сердце успокоится, поэтому и говорить тут не о чем. Вот что ещё, Василий Александрович: о требованиях скопцов пока никому ничего не говорите, ни Селивёрстову, ни Базарову – никому!

– Да-да, конечно, я понимаю. Я вообще не скажу, что привлёк вас к работе, будем считать, будто вы задерживаетесь на некоторое время как мой гость.

К террасе подкатил лёгкий одноосный возок, тут же подошёл Базаров:

– Вот-с, Алексей Иванович, экипаж подан!

– Господин Шумилов остаётся, – объявил Василий Александрович. – Это мой гость, он любезно принял моё приглашение и некоторое время поживёт здесь.

От Алексея Ивановича не укрылось, как насторожённо воспринял эту новость Базаров. Словно тень на миг пробежала по его лицу, он смутился и опустил глаза. Это длилось всего несколько секунд, потом лицо его опять приняло привычный сдержанно —участливый вид, и он негромко пробормотал:

– Это пожалуйста! Это как вам угодно...

Но Шумилов готов был поклясться, что не ошибся, и секундное замешательство Базарова ему не привиделось, что оно действительно имело место. Это проявленное волнение не на шутку озадачило Шумилова, он не видел ни единой причины для такой странной реакции. «Что ж ты так затрепетал, Владимир?» – подумал Алексей. – «Неужели тебя так пугает возможность моего сближения с молодым хозяином? Или же это банальная боязнь конкуренции? Но ведь я не барышня, чтобы ревновать к моему вниманию и дружбе. Или это просто в нем говорит желание защитить свой меркантильный интерес? Любопытно было бы узнать...»

4

Утром 31 августа Шумилов проснулся под шум затихавшего дождя. Через приоткрытую форточку можно было слышать шелест листвы в кронах вековых деревьев, редкие крики незнакомых птиц, стук капли по подоконникам и водостокам. Воздух в Лесном был необыкновенно свеж; здесь хорошо спалось и хорошо дышалось. Валяясь в кровати и рассматривая деревья за окном, Шумилов поймал себя на мысли, что покойному Николаю Назаровичу Соковникову никак нельзя отказать в разумности: здесь, в северном предместье столицы действительно чувствуешь себя много лучше, нежели в пыльном городе, что особенно важно для любого пожилого и нездорового человека. Молодец, Николай Назарович, хорошенькое местечко отыскал, чтобы свить себе гнездо!

Завтракал Алексей Иванович вместе с Василием Александровичем. Базаров по-прежнему оставался на положении лакея и за общий стол не садился. Племянник покойного миллионера во время завтрака оставался задумчив: насколько понял Шумилов, его беспокоил вопрос о том, на какие средства содержать дачу и городской дом, из чего платить жалованье слугам, ведь до получения денег по векселям, найденным в спальне покойного Николая Назаровича, оставалось покуда немало времени. Алексей посоветовал племяннику взять в любой банкирской конторе небольшой кредит, буквально тысяч на пять, только чтоб на первые нужды хватило, и продержаться до получения денег по векселям, из которых потом погасить кредит. Поскольку Василий являлся иногородним и никому в столице известен не был, возникал вопрос об условиях кредитования. Шумилов разъяснил надлежащий порядок действий: объявить официально о вступлении в права наследования, подписав у душеприказчика соответствующее заявление, и в сопровождении того же самого душеприказчика отправиться в банк.

После завтрака Алексей Иванович решил поговорить с Базаровым о событиях последних дней жизни Николая Назаровича Соковникова, а также о том, что происходило в доме сразу после смерти последнего. Логичным казалось предположение, что хищение – если оно на самом деле имело место – случилось совсем недавно, скорее всего, сразу же по смерти миллионера. Кроме того, Шумилову не давало покоя воспоминание о том, как Базаров сказал, что это не его «рука по вещам Николая Назаровича ходила». Так и хотелось немедленно уточнить: чья же тогда?

Камердинера Шумилов отыскал на заднем дворе, где в своеобразном «кармане», образованном стенами флигеля и сарая, солнечном и безветренном, Базаров чистил многочисленные костюмы покойного хозяина.

– Вот-с, собрал по всем шкафам и сундукам, – увидев Алексея Ивановича, проговорил камердинер, кивком указав на стопу одежды. – Готовлю для нового хозяина, пусть будут в порядке, а уж он пускай решит, что с этим добром делать дальше.

– Видите, Владимир Викторович, как всё неплохо для вас обернулось. Завещание отыскали, и вас теперь никакая актриса не оттеснит от денег. Пятьдесят тысяч – хорошая сумма, с таким кусом можно и на покой, – заметил Шумилов.

– На покой-то можно, да только я не привык, – вздохнул камердинер. – Вот меня уже и Фёдор Иванович Локтев к себе звали-с! Так что, наверное, к нему и направлюсь. Если молодой хозяин прогонит. А не прогонит – ему буду служить.

– Николай Назарович, стало быть, вас более прочих любил, коли денег столько оставил? Ведь как говорят, он под конец жизни скуповат стал? Характер у него вроде как испортился, бранился он много. Трудно к такому человеку по-доброму относиться...

– Да как сказать... – Базаров отложил работу, задумался на какое-то время. – Барин не злой человек был. Несчастный только и одинокий. А чтоб злой – нет, никогда! А кто говорит-то о нём такое, небось Яков Данилович? Уж ему бы лучше помалкивать, не шуршать здесь!

– Гм... Почему вы решили, что именно он?

– Уж зело барин на него серчал в свои последние дни. Он подобрал Селивёрстова одиннадцать лет назад, когда тот чуть было по миру не пошёл. Они вообще-то были старинными знакомыми, потом потеряли друг друга из вида и вот неожиданно встретились на Невском проспекте. Только Николай Назарович оказался богат и успешен, а Яков Данилович последние штаны донашивал. Вид имел прежалкий, скажу я вам! Поговорили они по душам. Селивёрстов пожаловался, дескать, жена умерла, дело расстроилось, а у него до того лавка меняльная была. Одним словом, смирил гордыню и упал в ноги. Ну, Николай Назарович и пригласил его к себе послужить. Жалованье дал поначалу крошечное – всего-то семь рублей в месяц плюс квартиру в городе и стол. Постепенно жалованье прибавлял, сделал управляющим. Тут бы Якову Даниловичу возблагодарить Господа и послужить барину верой и правдой, но... видать, слаб человек, всё ему мало. Короче, стал он подворовывать.

– Вам-то откуда это известно? – Шумилов удивился тому, как легко и ловко Базаров «сдал» Селивёрстова.

– Так барин же и говорил. Для него это тайны не составляло. Каналья, говорил, и вор. Хотел его уволить в самом скором времени, да вот не успел. А незадолго до смерти Николая Назаровича вообще вопиющий случай вышел. Если бы барин о нём прознал, то сидеть бы сейчас господину Селивёрстову не у себя за самоваром, а в каталажке клопов давить.

– Что же за случай?

– Служила у нас в прошлом годе кухарка, Мария Желтобрюхова. Кухарка как кухарка, да только с бо-о-о-льшим гонором, слово ей не скажи. А барин – он ведь никому спуска не давал, и не смотрел, что баба перед ним. Мог и по-матушке послать и затрещину отвесить. Так вот, на масленицу как раз дело приключилось: у Николая Назаровича расстройство живота началось, он сказал, что это после её стряпни. Обругал Желтобрюхову последними словами, дескать, отравить меня хочешь, каналья. Обругал и расчёт дал, гуляй, дескать. Ну, эка невидаль, у нас за последний год человек сорок прислуги сменилось, не меньше...

Шумилов только крякнул:

– Ого-го! Что ж так-то? Не слишком ли борзо?

– Не вру, Алексей Иванович, ей-ей человек сорок! Многовато, конечно, но Николай Назарович крут был на расправу, халатности и нерадивости не прощал. Ленивых просто ненавидел и готов был со свету сжить. Так вот... Марья эта Желтобрюхова, не будь душой, подала мировому судье жалобу на Николая Назаровича – за словесное оскорбление. Так-то! Сами понимаете, хозяину такая слава ни к чему, суд и всё такое, ещё чего доброго, газеты напишут. Короче, Николай Назарович дал Селивёрстову десять тысяч рублей – езжай, говорит, к судье и как хошь уломай его, чтобы не дал делу ход, взятку предложи или хоть на мебель для присутствия пожертвуй... ну, как полагается. Яков Данилович деньги взял, а когда к судье приехал, то узнал, что и без того кухарке той в иске было отказано, а она и просила-то всего сто рублей в возмещение морального вреда. Селивёрстов обрадовался, доложил барину, что дело улажено, а эти самые десять тысяч в карман себе положил.

– Это он сам тебе рассказал?

– Шутите? – усмехнулся Базаров. – Кто ж такое про себя расскажет? Просто у меня знаемец в суде делопроизводителем работает, он мне и рассказал, что кухарке было отказано, причём даже раньше, чем Яков Данилович приехал дело улаживать. Ну, я всё и понял.

– А хозяину, стало быть, ничего не сказали... – подытожил Шумилов.

– Так а зачем его волновать? У него приступ мог случиться. И без того сердце болезненное. Я подумал: не моего ума это дело – между людьми встравать. Бог все равно всех по своим местам расставит.

Внезапно из зарослей густой сирени, что примостилась возле дома, раздалось задорное щёлканье, а потом и необычное «фью-и-ить, фьи-ить»... Рассыпчатые звуки привлекали к себе

внимание своей необычностью и смелостью, словно невидимая в листве птаха не волновалась за свою безопасность – знала, что в округе нет вездесущих мальчишек с рогатками, и ничуть не боялась привлечь к себе внимание местных котов. Базаров замер, превратившись в слух, лицо его неожиданно потеплело, морщинки в уголках глаз сложились в ласковую гримаску и он внезапно, поджав и изогнув губы, издал громкий ответный свист, очень похожий на птичий. Певунья в кустах ответила протяжным залившимся щёлканьем. Владимир оставил своё занятие и быстро подошёл к кустам. Рука его скользнула в карман сюртука, и он высыпал на дорожку горсть семечек. Ещё раз издал свист с прищелкиванием, подзывая птичку, и вернулся к Шумилову. Лицо его сияло.

– Вот ведь тварь Божия! Неразумная, а память имеет, и благодарность ей ведома почище, чем иному человеку! Все лето мы с ней так общаемся. Она меня даже по шагам признаёт!

Шумилов, подивившись в душе такой сентиментальности, для приличия выдержал небольшую паузу и вновь вернулся к прерванному было разговору, причём несколько назад, не желая особенно уклоняться от темы.

– То есть, Владимир Викторович, прислугу барин прижимал?

– По секрету вам скажу, Алексей Иванович, иногда очен-но. Можно даже сказать – тиранил. Не со зла, конечно, просто характер был такой. Дворники у нас дорожки зимой расчищали по веревочке.

– Это как?

– Как в армии! Барин натягивал верёвочки между колышками вдоль дорожки, а они должны были строго по этой верёвочке чистить. И ней дай Бог зайти им за линию или лишний снег оставить! Гром и молния! За порядком сам всегда следил: как инвентарь сложен – чтоб по росту и ранжиру, у кухарок проверял, как посуда и столовые принадлежности начищены. И ещё каждую неделю собственноручно перевешивал запасы продуктов. Каждую мелочь записывал в приходно-расходную книгу. Говорил бывало, я никому не позволю себя обворовывать. Вот такой характер!

Шумилову живо припомнилось, как в первый день описи пристав просматривал найденные приходно-расходные книги прошлых лет. Самых последних книг так и не нашли. Старые – те все оказались на месте, а одной или двух последних – нет. «Ай-яй-яй, неспроста пропали деловые записи такого хозяйственного человека, – подумал Шумилов. – «Был от этого кому-то прок». Вслух он, разумеется, этого не произнёс, а высказался общо и неопределённо:

– Наверное, такой характер вызывал... мягко говоря, не особенную любовь прислуги?

– Да уж, конечно, Алексей Иванович, – кивнул Базаров. – Знаете, когда доктор приехал и распорядился обмыть покойного, дворники явились и понесли тело. Да так неаккуратно взяли, что уронили Николая Назаровича головой об пол. И что ж вы думаете? Ни сожаления, ни раскаяния, только злобная мелочная мстительность: один из них не постеснялся сказать вслух, что, дескать, хозяин, теперь молчишь, ничего не скажешь, а раньше, поди, всё замечал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.